

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

„Ист. Записки”, т. 3, № 6938

Е. С. ЗЕВАКИН и Н. А. ПЕНЧКО

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ГЕНУЭЗСКИХ КОЛОНИЙ
НА ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ В XIII И XV ВВ.

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая работа написана в основном по генуэзским источникам.

Подлинные документы, использованные нами, охватывают обширный период от конца XIII и до середины XVI в., причем наибольшая часть их приходится на XIII и XV вв., по XIV же веку документов почти не имеется.

Источники, характеризующие итальянскую колонизацию на Западном Кавказе в средние века, весьма разнообразны. Отсюда нестранный характер нашей документации. Нами использованы для этой цели: а) по XIII в. «Cronaca Veneta» Мартино Канале, опубликованная в т. 8 «Archivio Storico italiano» (1845 г.); Actes des notaires génois de Péra et de Caffa de la fin du XIII siècle (1281—1290), опубликованные Братиану (Académie Roumaine, Бухарест, 1927); б) по XV в. (2-я половина): Atti della Società Ligure di storia patria, тт. 4, 5, 6 и 7; в) по XVI в. Berchet «La repubblica di Venezia e la Persia» (Torino, 1865), Le relazioni degli ambasciatori Veneti, тт. 1—10 (Firenze, 1840).

Наибольший интерес представляют, конечно, «Atti», где собраны письма и донесения консулов и «massari» Каффы к протекторам банка Сан-Джорджио, ответы последних, их инструкции и приказы по внутреннему управлению Черноморскими колониями; письма и заявления частных лиц и государей, имевших то или иное отношение к делам колоний, групповые заявления и, наконец, исторические документы вроде «великой буллы», призывающей христиан к крестовому походу на защиту колоний; мемуары очевидцев исторических событий эпохи, летописи. Все эти документы, сохранившиеся в обширных архивах знаменитого банка, вошли в состав «Codice Tauro-Ligura» в строго хронологическом порядке, но без какого бы то ни было деления по темам. Составитель «Кодекса» Винья сохранил при этом везде транскрипцию и пунктуацию оригиналов, вследствие чего документы эти трудно читаются (почти отсутствуют знаки препинания, кроме точки, красная строка и прописные буквы). Кроме того, так как авто-

рами документов являлись большей частью лица, мало искушенные в грамоте, текст подлинника изобилует орфографическими и синтаксическими ошибками, иногда совершенно искажающими и затемняющими смысл; транскрипция же имен и географических названий настолько пестра и невыдержанна,¹ что передко на одной и той же странице в документе встречаются разнотечения.

В «Кодексе» собраны документы на четырех языках: преобладает латинский — официальный язык того времени; на втором месте стоит «dialetto genovese» — генуэзский диалект; наконец, встречаются документы, написанные на «volgare» (народная разговорная латынь) и на старофранцузском. К сожалению, большинство материалов не имеет прямого отношения к нашей теме. Это — документы, рисующие жизнь Каффы, «крымского Константинополя» той эпохи; материал же, непосредственно касающийся Западного Кавказа и так или иначе с ним связанный, приходилось извлекать с неимоверными трудностями, буквально по кручинкам, — из приписок к отдельным письмам, примечаний и т. п. Очень немногие документы поэтому могут быть нами представлены целиком; почти всегда это отрывки, «estratti», не имеющие ни начала ни конца.

В других указанных выше первоисточниках материал по Западному Кавказу менее разнообразен по содержанию и вообще более скучен, за исключением весьма ценных документов, опубликованных Братиану под названием «Actes des notaires génois de Péra et de Caffa de la fin du XIII siècle». Из них мы извлекли большое количество контрактов, относящихся к торговле Черкесии (в Копе и в устье Кубани), и нотариальных актов по работорговле с черкесами.

Эти документы, представленные исключительно на латинском языке, отличаются с точки зрения орфографии и синтаксиса теми же особенностями, что и «Atti», и даже, быть может, в еще большей степени, так как относятся к более раннему периоду (XIII в.). Кроме того, документы эти представляют иногда большие трудности для точного перевода, так как они изобилуют юридическими терминами и формулами, приводимыми в сокращенном и недописанном виде, как это было тогда принято.

Рядом ценных публикаций, например, многотомным «Archivium Franciscanum», к сожалению, пока не удалось воспользоваться, так как их нет ни в Москве ни в Ленинграде.

Кроме документов были привлечены описания путешественников той эпохи: доминиканца Юлиана, Рубрука, Пеголotti, д'Асколи и других.

Из археологических и этнографических материалов использованы свидетельства авторов XIX и даже XX вв. об остатках сооружений на Западном Кавказе: описания Лапинского, Кларка, Белля, Спенсера и других, не считая, конечно, специальных археологических описаний и исследований, опубликованных в «Материалах по архе-

¹ Даже такое название как Каффа встречается в четырех вариантах, а именно: Caffa, Capha, Caipha, Camfa.

логии Кавказа» и «Отчетах императорской Археологической комиссии».

Из фольклорных материалов привлечены сохранившиеся в XIX в. воспоминания о генуэзском периоде, собранные Дюбуа де Монпере и Клапротом.

Нами не мог быть использован, ввиду отсутствия в главных книгохранилищах Москвы и Ленинграда, ряд специальных исследований, посвященных этой эпохе: Altaner — Die dominikanermissionen der XIII Jahrhunderts, 1924; Cibrario — DeHa Schiavitù e del Servaggio, v. I; Marcellino da Civezza — Storia delle missioni Franciscane, v. III (посвященный Черноморью и Татарии); Manfroni — Storia della marina italiana и некоторые другие.

I. ИТАЛЬЯНСКОЕ ПРОНИКНОВЕНИЕ В ЧЕРНОЕ МОРЕ И ГЕНУЭЗСКО-ВЕНЕЦИАНСКАЯ БОРЬБА

Итальянские города Венеция и Генуя выросли в эпоху средневековья на посреднической торговле. Самостоятельное развитие в них купеческого капитала базировалось не столько на вывозе собственных продуктов, сколько на посредничестве при обмене продуктов между другими народами. «Главный барыш», по указанию Маркса, им приносили эксплоатация и прямой грабеж отсталых народов.¹ Ярким подтверждением этого тезиса Маркса является вся история итальянской колонизации и колониальной политики в Причерноморье.

В XII—XV вв. Средиземное море служило главным торговым путем из Европы в страны Востока, а Венеция и Генуя сосредоточили эту торговлю в своих руках. Так продолжалось до открытия торгового пути в Индию. При монголах, объединивших Ближний и Дальний Восток, торговля Востока с Западом усилилась. В торговый оборот вовлекались все новые и новые страны. Монголам не удалось, однако, прочно завоевать Сирию и захватить в свои руки южные караванные пути. Поэтому главное значение приобрели северные транзитные пути, проходившие через Центральную и Среднюю Азию к Черному морю, чем и объяснялось оживление черноморской торговли.

Причерноморье являлось важнейшим объектом колониальной экспансии Венеции и Генуи, а, следовательно, и ареной их соперничества. Итальянские торговые города стремились проникнуть к берегам Черного моря еще в XII в., но эти попытки были по большей части малоуспешными вследствие противодействия Византийской империи. В 1142 г. генуэзцы хотели заключить договор с византийским императором Иоанном Комnenом, но это им не удалось. Переговоры возобновились и закончились в 1155 г. Лишь по договору 1165 г. генуэзцам разрешили посещать Константинополь и предоставили свободу торговли по всей территории Византийской империи, кроме пунктов Россия (Rossia) и Матрега. Такой же договор, с теми же ограничениями был заключен между Византией и Венецией в 1169 г. По мнению Братцану, первое из этих названий означает Русское (т. е. Черное)

¹ К. Маркс. Капитал, 1936, т. III, с. 295.

море, а второе — Матрежское, или Азовское, море. Это ограничение означало воспрещение генуэзским купцам проходить через проливы, или по крайней мере посещать северные берега Черного моря. Цель его вполне понятна: византийцы намеревались обеспечить импорт рыбы и мехов с севера в Константинополь.

В 1260 г. Генуя оказала византийскому императору Михаилу Палеологу значительную поддержку в борьбе с Латинской империей. После взятия Константинона греками в 1261 г. византийский император, по настоянию Генуи и в благодарность за энергичную помощь, уступил генуэзцам предместья Константинона — Перу и Галату. Кроме того, генуэзцы приобрели торговые преимущества на Черном море: венецианцам запретили посещать это море; исключение сделали лишь для пизанцев, которые, впрочем, были менее опасными конкурентами. Флаг Генуи получил доступ во все гавани Византии. За это Генуя должна была поддерживать греческого императора против всех врагов. Договор в Нимфе 1261 г., разрешивший генуэзцам проход через проливы, открывал перед ними широкие перспективы. Генуя на время сделалась первой торговой державой как в Европе, так и на Черном море. Проникнув в Черное море, генуэзцы обратили особое внимание на его восточную часть. Однако, власть Византии не простиралась на эти места. Чтобы водвориться там, надо было войти в сношения с Золотой Ордой. Крым составлял часть этого царства. [В 1266 г. Мангут-хан дал разрешение генуэзцам основать колонию Каффу, которая хотя и существовала до того, но была незначительным и мало посещаемым пунктом. С тех пор Каффа сделалась главным складочным местом для генуэзской торговли на Черном море. Были приняты меры к сосредоточению здесь всей черноморской торговли: купцам было воспрещено длительное пребывание на соседних рынках — в Солдайе (Судаке), в Тане и т. д.]

Захват Генуей Балаклавы в 1357 г. и Солдайи в 1365 г. окончательно укрепил господство генуэзцев на Черном море. Одна за другой стали возникать генуэзские колонии в Крыму и на Азовском и Черноморском побережье Кавказа (Тана, Копа, Матрега и др.), о чем подробно будет сказано дальше. Через посредство своих черноморских владений генуэзцы вступили в более тесные отношения с татарскими ханами. В XIV в. им пришлось выдержать с ними продолжительную борьбу за сохранение своих колоний. В 1307 г. произошел первый серьезный конфликт между Генуей и ханом Тохтамышем на почве захвата последним имущества генуэзских купцов в Сарае. Татарское войско подошло к Каффе и начало осаду. В 1308 г. город был занят татарами. О восстановлении своей главной колонии Генуя начала переговоры с преемником Тохтамыша Узбек-ханом, отправив к нему послов. В результате генуэзцам разрешили восстановить Каффу. В 1343 г. произошло серьезное столкновение в Тане между татарами и венецианцами. Хан Джанибек снова запретил венецианцам посещать Тану и хотел отнять у Генуи Каффу, но попытка его не увенчалась успехом. Однако, положение Каффи было настолько серьезным, что в дело вмешался сам папа Климент VI, который в 1345 г. призывал

к организации крестового похода против татар. В 1346 г. Джанибек предпринял новое нападение на Каффу, также окончившееся неудачей.

Следует отметить, что Тана имела огромное экономическое значение для Венеции и Генуи. Дело, разумеется, было не в том, что в 1332 г. Узбек-хан уступил венецианцам один квартал Таны, тогда как между 1316 и 1332 гг. там уже водворились генуэзцы. Колоний у итальянцев было вообще немало. Дело было в том, что захват Таны ханом Джанибеком в 1343 г. пагубно отразился на Греции и Италии, где ощущался сильный недостаток зерна и соленой рыбы, вызванных из Приазовских и Причерноморских районов. Кроме того, большое значение имел транзитный путь, пролегавший из Таны на Сарай и далее в Среднюю Азию и на Дальний Восток. Этот путь связывал бассейн Чёрного моря с Поволжьем, Каспийским морем и другими более отдаленными районами. По этому же пути в порты Черного моря приходили сухопутным путем изделия Индии и Ирана. Появление Тимур-Ленга (Тамерлана) и его завоевательная политика по отношению к Золотой Орде (разгром Тохтамыша), а также разрушение зимой 1395—1396 гг. Астрахани и Сарая лишили черноморский рынок источников снабжения пряностями, шелком, рабами и другими товарами восточных стран. С тех пор Тана потеряла свое прежнее экономическое значение (город был разрушен в 1418 г.).

Враждебные отношения с Золотой Ордой осложнялись еще генуэзско-венецианской конкурентной борьбой на Черном море. В 1296 г. в результате конфликта между генуэзцами и венецианцами Каффа также была осаждена и сдалась Венеции, и лишь в 1299 г. город был возвращен Генуе. Несмотря на временные попытки прийти к общему соглашению на почве борьбы с Золотой Ордой (например, союзный трактат 1345 г.), вражда между Венецией и Генуей продолжалась. В 1348 г. Генуя устроила укрепление в Босфорском проливе, желая прекратить доступ венецианцам в Черное море. В результате между ними произошло столкновение, в котором оказалась замешанной и Византия. По миру 1353 г. Генуя приуждена была отказаться от намерения уничтожить Тану, и к 1358 г. сношения Венеции с этой колонией возобновились. В нашу задачу не входит давать детальную картину генуэзско-венецианской борьбы и генуэзско-кичакских отношений. Остановимся лишь на вопросе о роли Западного Кавказа в венецианско-генуэзской борьбе.

Нимфейский трактат не обеспечил Генуе исключительной монополии в черноморской торговле. Правом торговли пользовались, например, пизанцы (*Porto Pisano* в Азовском море). Венеция также проникла в Черное море. Уже в 1268 г. ее купцы покупали рожь в Крыму и Черкессии. В 1281 г. венецианские дукаты имели хождение в Крыму; в Крыму же венецианские купцы вели работторговлю. Так, во время столкновений Кипчакской орды и Ирана генуэзцы были, вероятно, на стороне францев (Аргун-хан). Во всяком случае Каффа придерживалась по отношению к ним благожелательного нейтралитета.

тета. Понятно, что венецианцы вступили в сношении с кипчаками, раз их соперники находились в лагере противника кипчаков. 11 мая 1290 г. на берегу Карасу в Черкесии произошла битва между кипчаками и иранским Аргун-ханом, окончившаяся неудачей для кипчакских войск. Это усилило позицию Генуи на Западном Кавказе, поскольку она ориентировалась на врага Венеции Аргун-хана. В договоре, заключенном между Генуей и Венецией 13 июля 1345 г., п. 1 гласит: «Не должно на судах того и другого государства возить товары какие бы то ни было в Тану или в другое место Татарского царства по причине убытков и грабежей, причиняемых купцам, с изгнанием, пленением и умерщвлением их; но должно привозить их в Каффу и другие порты, расположенные от нее к западу, т. е. по направлению к Пера, и нельзя ни под каким предлогом плавать от нее (Каффы) на восток».¹ Несмотря на формальный предлог (ограбление купцов), этот документ говорит о стремлении Генуи воспретить доступ венецианцам к берегам Черкесии и сосредоточить торговлю в генуэзском центре на Черном море — в Каффе.

Еще более ярко отражается венецианско-генуэзская борьба на Западном Кавказе в донесении консула и массариев Каффы протекторам банка Сан-Джорджио от 16—18 мая 1471 г. «Много говорилось уже нам, — пишут они, — о дурном отношении консула венецианской колонии в Тане к нашему консулу и прочим из нашей колонии в Тане... Он ищет случая отнять замок у Мануэле де Гварнеро, нашего консула, и вступает в договоры как с зиями, так и с непокорными жителями окрестных селений (*cazalibus rebellibus*) к нашей невыгоде... И опасается наш консул, что он злоумышляет на нас, вследствие чего и мы боимся, как бы не произошло столкновения между венецианцами и генуэзцами. По этой причине мы полагаем, что хорошо было бы вам написать об этом в Венецию, чтобы оттуда озабочились прислать в Тану другого консулэ».²

Самой цветущей порой господства генуэзской торговли на Черном море следует считать период от восстановления Греческой империи в Константинополе (1261 г.) до начала войны с Венецией (1378 г.). Мануфактуры Генуи достигли тогда высокого по тому времени уровня развития.

Помимо генуэзско-венецианской борьбы и столкновений с кипчаками, возникавших время от времени, в XV в. трудности усугубляются еще падением османских турок. Генуэзцы уже давно старались вступить с ними в дружественные отношения путем договоров и уплаты дани. Но в 1453 г. Константинополь был взят турками, и это было началом конца генуэзско-венецианского владычества на Черном море. В том же году Генуя предоставила управление своим черноморским колониям банку Сан-Джорджио. Но и эта мера не помогла. Турция повела решительное наступление и шаг за шагом отвоевывала итальянские колонии. Уже через год после захвата Константинополя

¹ Canale. Nuova istoria... di Genova, III, 240.

² Atti della Società Ligure, VII, f. 1, 780.

(1454 г.) турецкий флот напал на Монкастро (Аккерман) и взял приступом Себастополис (Сухум). Затем флот появился перед Каффой, которая на этот раз отделалась данью. В 1461 г. все южные черноморские владения достались туркам, а в 1475 г. пала Каффа, оплот Генуи на Черном море. Вслед за тем одна за другой были захвачены остальные итальянские колонии.

Итак, переломным моментом в истории итальянских городских республик была вторая половина XV в., ознаменовавшаяся взятием Константинона турками, открытием морского пути в Индию, а также постепенным перемещением европейских торговых и промышленных центров из бассейна Средиземного моря к северу (Голландия, Англия, Франция и другие страны). С тех пор Венеция и Генуя перестали быть великими морскими державами.¹

II. ГЕНУЭЗСКИЕ КОЛОНИИ НА ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ

Генуэзские колонии и поселения на Западном Кавказе стали возникать одни за другими повидимому после основания колонии в Каффе, т. е. в конце XIII и в XIV вв., что не исключает, конечно, наличия отдельных поселений итальянцев и раньше. Сохранилось несколько средневековых итальянских карт и описаний, дающих нам более или менее полный перечень генуэзских стоянок, поселений и колоний на Кавказском побережье. Самая древняя из этих карт относится к XIII в. (точная дата неизвестна). Последующие карты датированы 1318 г., началом XIV столетия, 1351, 1367, 1375, 1408, 1436, 1480, 1497, 1519, 1530/50, 1561 и 1614 гг. Тафель и Брун в своих книгах² приводят интересные таблицы генуэзских колоний со всеми разночтениями их названий по вышеуказанным картам.³ На террито-

¹ Для составления вышеприведенной главы I нами использована следующая литература:

- 1) Bratianu. *Recherches sur le commerce génois dans la Mer Noire au XIII siècle*, Paris, 1929.
  - 2) Heyd. *Histoire du commerce du Levant au moyen âge*. v. I—II, Leipzig, 1886.
  - 3) Canale. *Nuova istoria della Repubblica di Genova*, v. I—IV, Firenze, 1858.
  - 4) Canale. *Della Crimea, del suo commercio...* Genova, 1855.
  - 5) Doren. *Italienische Wirtschaftsgeschichte*, B. I, 1930.
  - 6) Волков. О соперничестве Венеции с Генуей в XIV в. («Записки Одесского общества истории и древностей», т. IV).
  - 7) Дживелегов. Торговля на Западе в средние века, СПб., 1904.
  - 8) Его же. Города в Западной Европе, СПб., 1902.
  - 9) Мурзакевич. История генуэзских поселений, 1837.
  - 10) Брун. Черноморье («Записки Новоросс. ун-та», тт. XXVIII—XXX) и т. п.
- ² Tafel. *Constantinus Porphyrogenitus de provinciis regni Byzantini*, Liber secundum, Europa. Tübingen, 1847, 40.

Брун. Черноморье, II («Записки Новоросс. ун-та», т. XXX, прилож. и сс. 242—270).

³ Ср. также Potocki. *Mémoire sur un nouveau périple du Pont Euxine*. Vienne, 1796, 18—24; Фелицын. Некоторые сведения о средневековых генуэзских поселениях в Крыму и Кубанской области. Кубанский сборник, V, 4—5.

рии между Таной (Азов) и Себастополисом (Сухум) насчитывалось 39 колоний, поселений и стоянок, из которых важнейшими, не считая, конечно, Таны и Себастополиса, были Копа и Матрега.

В Матреге (нынешняя Тамань, быв. Кипы, Матраха, Таматарха, Тмутаракань) генуэзцы обосновались не позднее начала XIV в.¹ До этого там жили древние греки, византийцы и некоторое время (IX—XI вв.) русские (Тмутараканское княжество). Уже задолго до возвращения итальянцев город считался важным торговым пунктом. В эпоху, когда Эдриси писал свою географию (1154 г.), жители Матрахи постоянно воевали со своими соседями-русскими. В то время город принадлежал азаским князьям *Olu Abbas*, известным своей силой и храбростью.² О значении города можно судить по тому, что в 1178 г., согласно договору, заключенному между генуэзцами и византийским императором Мануилом Комnenом, генуэзцам разрешалось плавать во всех частях империи, кроме «*Rossia e nella Matica o Meotica, cio è Palude meotica*», т. е. въезд в Азовское море был воспрещен.³ По мнению Хейда, здесь речь идет о Rossia и Матреге (а не Меотидском озере). У Бруна, в отличие от Канала, мы встречаем здесь разночтение: не Rossia, а Zossia, что Брун и переводит Керчь.⁴ Кроме того, у Бруна упоминается договор не 1178, а 1170 г.

Интересующий нас город был расположен на Таманском полуострове, на одном из устьев Кубани, не существующем в настоящее время. В XII в. город служил коммерческим и политическим центром густо населенной области. Жители города были повидимому разных национальностей: упоминаются греки и местные зхские племена. Во времена Латинской империи город посещали европейские и греческие купцы, приезжавшие из Константинополя за сушеным рыбой и следовавшие дальше до устьев Дона на барках. Тогда этот пункт был портом местного значения; об изделиях же Центральной Азии и Китая, появившихся в эпоху итальянской колонизации Черного моря, еще не было и речи.⁵ Матрега находилась под сильным влиянием Греческой империи. В 1230 г. доминиканец Юллан со своими спутниками нашел в Матреге князя и народ, говорящий и пишущий на греческом языке, и греческое духовенство.⁶

В период итальянской колонизации, в XIII—XV вв., роль Матреги сильно возросла. Сюда приходили все соседние племена для обмена своих продуктов на продукцию Запада через посредство генуэзцев. Генуя вывозила оттуда меха, кожу, марену, шерсть, холст, хлопча-

¹ Кубанский сборник, V, 6.

² Heyd. Histoire du commerce du Levant au moyen Age. I, 206, 207, 208.

Bruijn. Notices historiques et topographiques, contenant les colonies italiennes en Gazarie (Mémoires de l'Acad. imper. des sciences de St.-Petersb., VII serie, 33—34).

³ Canale. Nuova istoria... di Genova, I, 311.

⁴ Bruijn. Notices..., 8.

⁵ Heyd. Histoire du commerce... I, 206, 207, 208.

⁶ Рассказ доминиканца Юлиана. «Записки Одесского общества истории и древностей», V, 999.

тую бумагу, шафран и воск, на который был большой спрос в церквях и монастырях Византии и Западной Европы. Генуэзцы эксплуатировали также серебряную руду в горах Кавказа и ходили вверх по Кубани.¹ Во времена Рубрука (XIII в.) в Матреге останавливались большие торговые суда, которые не могли из-за мелководья Азовского моря идти до Таны. Отсюда уже посыпались барки к устью Дона за сушеною рыбой. Причиной отсутствия консула в Матреге, несмотря на экономическое значение этой колонии, была, по мнению Бруна, зависимость ее от местного князя, так же как в Мапарио и Батиаре.

В этих трех колониях были генуэзские президенты или коменданты.² В подтверждение можно привести отчет миссионера Эмиддио д'Асколи, из которого видно, что еще в первой половине XVI в. Матрега была портом первостепенной важности.³

В уставе 1449 г. речь идет лишь о консуле в Vospro (Керчь) и Копе.⁴ Однако, и в дальнейшем Матрега не потеряла своего коммерческого значения и оставалась немаловажным портом на стыке Черного и Азовского морей; капитаны европейских судов охотно останавливались в этом дружественном порту, проходя из Черного моря в Азовское, как отмечает это Heyd.⁵ В XIII и XIV вв. здесь находилась резиденция греческих митрополитов Зихской епархии, что указывает на важное политическое и экономическое значение этого пункта. В 1346 г. упоминается первый епископ Зихии францисканец Иоанн, назначенный папой Климентом VI в Матрегу. Впоследствии здесь находились и католические епископы Зихии.⁶ Генуэзцы кроме консульства имели в Матреге свои торговые учреждения.⁷

Помимо экономического значения необходимо подчеркнуть важное стратегическое значение Матреги, которая находилась рядом с проливом, отделяющим Крымский полуостров от Таманского. Генуя, не удовлетворяясь возможностью пользоваться этим проливом, желала получить его в полное владение для защиты своих черноморских колоний, а также и из политических соображений — с целью держать в подчинении окрестные племена. В 1419 г. Матрега досталась генуэзцу Симону Гизольфи/благодаря браку его сына с дочерью и наследницей одного черкесского князя по имени Биха-Ханум (Bicha-canon).⁸ С тех пор Матрега сделалась чем-то вроде феода фамилии Гизольфи, о которой будет сказано дальше. Город был хорошо укреплен.

¹ Elie de la Primaude. Études sur le commerce du moyen âge, Paris, 1848, 97, 126—127.

² Брун. Черноморье, I, 290.

³ См. Эмиддио д'Асколи. Описание Черного моря и Татарии (Чтения в «Историч. об-ве Нестора-летописца», Киев, 1891, V, 8).

⁴ Вгини. Notices..., 60—61; Heyd, II, 180.

⁵ Heyd, II, 379—380.

⁶ Устав для генуэзских колоний в Черном море. («Записки Одесского общества истории и древностей», V, 829); Фелицини, op. cit., 15.

⁷ Вгини. Notices..., 60.

⁸ Desimoni. Письмо к Бруну. Черноморье, II, 234, примечание.

лен и защищен, так как в окрестностях жили черкесские племена, часто посягавшие на колонию. В Матреге нередко, как это показывают документы «*Atti*», находили приступы местные князья и неоплатные должники.¹ Постройка крепости в Матреге относится уже ко второй половине XV в. и была осуществлена при финансовой помощи Каффы.² Последнее указывает на большое значение этого города для генуэзцев. В statute 1449 г. Матрега упоминается всего один раз, в связи с указанием, что жители ее не освобождаются от повинностей и налогов, установленных для других итальянских колоний на Черном море. Укрепившись в Матреге и некоторых других местах Азовского и Черноморского побережья, генуэзцы получили ключ к проливу Ени-кале и упрочили свое владычество над местными племенами.³

Перейдем теперь к колонии Копа (Локопа, Копарно), расположенной на правом берегу Кубани в 280 милях от ее устья. Мнение о местоположении Копы разноречивы. Де-ла-Примоде полагает, что она находилась на месте Темрюка; по Лелевелю, Мурзакевичу и Бруну — на месте села Копыль; по Донаверу — на северном рукаве Кубани; академик Кёлер и ряд других ученых ошибочно смешивали ее с озером Копаис в Беотии.⁴ По мнению Десимони, Копа была расположена в одном из устьев северного рукава Кубани, древнего Гипаписса. Этот рукав называется по-русски Черным протоком, а по-турецки Кара-Кубань и Кара-Гуль (Черное озеро).

Согласно трактату 1170 г., заключенному между византийским императором Мануилом и Генуей, генуэзцы получили в Константинополе фондако или эмбolo (т. е. торговое подворье, склад товаров) под названием Копарно.⁵ По упомянутому договору 1178 г. генуэзцам возмещались убытки, причиненные разрушением их «*sembolo di Copario testé concesso*», т. е. торгового склада Копарно, недавно разрушенного.⁶

Мы не в состоянии установить определенной связи между торговым подворьем Сопаро в Константинополе и Сопаро — Копой, упоминаемой в генуэзских документах XIII—XV вв., но возможно, что генуэзцы промышляли на Кубани еще в XII в. Конечно, речь идет о генуэзском поселении в Копе, но не о городе, существовавшем гораздо раньше и имевшем своих князей. В начале XIV в. из этого подворья, повидимому, выселилась часть купцов и образовалась колония на Западном Кавказе, названная по имени местного паслена.

¹ *Atti*, VII, f. 1, 521 и др. документы.

² *Atti*, VII, f. 1, док. №№ 788, 811, 821.

³ G. Fanucci. *Storia dei tre celebri popoli marittimi dell'Italia, Veneziani, Genovesi e Pisani e delle loro navigazioni e commercio nei bassi secoli*, Livorno, 1855, IV, 731.

⁴ Bruijn. *Notices...*, 8, 61; Donaver. *La storia della Repubblica di Genova*. 1913, I, 161; Фелицыи, op. cit., 5.

⁵ Desimoni. *Atti*, V, 259; см. G. Fanucci. *Storia...*, 1855, IV, 733.

⁶ Donaver. *La storia...*, I, 90; Canale. *Nuova istoria... di Genova*, I, 315.

ного пупкта.¹ На карте Висконти 1318 г. и более поздних везде фигурирует Копа или Локопа; эти названия получены ею, вероятно, от реки Кубани — Сисоро и Locicopo.²

Население колонии было разноплеменное. Преобладающим присланным элементом были греки, затем итальянцы, армяне. Местное население составляли черкесы. Во главе местного управления колонии стоял консул, при нем Совет. Население колонии занималось главным образом солением рыбы и приготовлением икры, а также продажей невольников. Из консулов Копы упоминаются Андреоло Дориа в 1448 г., Габриель де Применторио в 1455 г., Томасо Коломбано в 1456 г. и Бибилиано Адорно в 1457 г.³ Копа имела немаловажное значение для генуэзцев. Об этом свидетельствует ряд документов, в которых протекторы проявляют большой интерес к этой колонии: «Весьма радуемся тому, что вы имеете вести от князя Зихии, и что наши купцы, надеясь на выгодное дело, отправились в Копу».⁴ Повидимому, весьма значительные круги каффских купцов находились в связи с этой колонией. Из донесений консула и массариев Каффы банку Сан-Джорджио 16 и 18 мая 1471 г. о заключении ряда соглашений о Копе и Кубани с черкесскими князьями видно, что «горожане наши (т. е. Каффы) этим весьма довольны... и уже много кораблей отправилось в Копарио».⁵ О значении Копарто можно судить также из другого документа, отправленного протекторами консулу Каффы от 21 января 1471 г.: «Одобряем снаряжение вами фусти (военного корабля) для защиты наших мореплавателей в Копарио».⁶ Однако, из того же документа видно, что ввиду серьезных финансовых осложнений в Генуе протекторы весьма желали перевести это военное судно на самоокупаемость.⁷

Доходы в Копе получались от обложеия судов, лавок и прочих предприятий и промыслов жителей, а также штрафов.⁸ Мы располагаем рядом торговых контрактов о зафрахтовании судов, идущих в Копу. Например, в контракте от 24 апреля 1290 г. некий Николо ди Кварто, кожевник, и его компаньон Каррочио отдают внаем и уступают на правах зафрахтования териду (судно) под названием «Сан-Николо» греку Николаю из Монемвасии, греку Гронгиос из Сэла и Георгию Ялена. По условию последние должны были в середине следующего месяца итти в Локопу и погрузить там на судно 12 миллиарнов (мера) рыбы, после чего отплыть оттуда и итти на Трапезунд.⁹

¹ В документах 1289 г., опубликованных Братиапу (*Actes des notaires génois...*), многократно упоминается Локопа у устья Кубани.

² В г и и п. *Notices...*, 16.

³ *Atti*, VI, 281; VII, f. 2, *Statuto di Caffa*, гл. 87.

⁴ *Ibid.*, VII, f. 2, 57.

⁵ *Ibid.*, VII, f. 1, 784.

⁶ *Ibid.*, VII, 731.

⁷ *Ibid.*

⁸ *Ibid.*, VII, f. 1, 784.

⁹ *Actes des notaires génois de Péra et de Caffa*, 263, docum. № 286; см. также №№ 306, 312, 320, 321, 322 etc.

28 апреля 1290 г. некий Джакомо ди-Югустра зафрахтовал у Бертолино ди-Камильи его териду, чтобы итти в Локопу за грузом рыбы, а затем везти ее для продажи в Константинополь. Другой документ, помеченный тем же числом, сообщает о двух купцах, зафрахтовавших галеру, чтобы итти туда же за грузом рыбы и икры.¹ В 1328 г. венецианцы захватили в Босфоре несколько генуэзских судов, падруженных рыбой с берегов Азовского моря, из устьев Кубани и дельты Дона.²

Из документов видно, что в Копе была ярмарка, длившаяся вероятно с конца апреля до 15 мая. Купцы — греки, армяне и турки или генуэзцы — нанимали суда, которые они имели право задерживать у устьев Кубани на 15 дней до закрытия рынка. И здесь речь идет о рыбе и икре.³ Конечно, из этого вовсе не следует, что Копа была временным рынком. Торговля могла вестись, и безусловно велась, и в другое время года; ярмарка была лишь завершением этой торговли. Об этом свидетельствует состав постоянного местного населения Копы, присутствие итальянских купцов, наличие консульства, церкви, торговых учреждений, конторы мер и весов и, наконец, регулярный обмен с местными племенами.⁴ Копа снабжала Константинополь огромным количеством соленой рыбы и икры.⁵

Итак, уже с конца XIII в. торговля Генуи с Копой достигла значительных размеров. Копа была со временем укреплена; крепость была выстроена черкесским князем в 1475 г. Колония была окружена черкесскими племенами, временами нападавшими на торговые суда. В статуте 1449 г. в главе 87 определяются права и обязанности консула. Копы с такой полнотой и точностью, какой нет в главах, относящихся к самой Каффе, Солдафе и Чембало (Балаклава).⁶

Колония Мана (Anapa) была основана генуэзцами на месте древней Синдики, на близком расстоянии от устьев Кубани. Здесь причаливали лишь мелкие суда, и торговля была незначительная.⁷ Колония не имела консульства.⁸ По уставу 1449 г. там имелся лишь так называемый президент, т. е. комендант.⁹ О Мане эпохи итальянского владычества сохранилось мало исторических свидетельств. В письме к Бруну Десимони рассказывает, что в архиве банка Сан-Джорджио он нашел следующие сведения о городе: «В картуляриях массарик

¹ Actes des notaires.., 276, 277.

² Heyd, II, 191.

³ Actes des notaires... Bratianu. Recherches sur le commerce génois..., 244—245.

⁴ Atti, VII, 528.

⁵ Ibid., VII, f. 1, 186, 351, 71, 271, 528 etc.; см. Heyd, II, 394.

⁶ Atti, VII, f. 2, 671; см. также Canale. Della Crimea, del suo commercio... Genova, 1855, II, 365; Desimoni. Nuovi studi sull'Atlante Luhoro. Atti, V, 186.

⁷ Elie de la Primaudaise, op. cit., 235. Desimoni. Atti, V, 261.

⁸ Heyd, II, 396.

⁹ Брун. О поселениях итальянских в Газарии, 385, 387; Его же. Черноморье, I, 293.

мне удалось открыть два только места, касающиеся Анапы, а именно: 1) под 1423 годом, где речь идет о ежегодной субвенции на защиту замка «де ла Мана» и 2) под 1471 годом, где говорится об издержках *in mittendo fustam in Maarium ad comburendam certos Casapales* [т. е. по отправке фусты (военный корабль) в Мапарио для сожжения некоторых casapales]. Казалось бы, что под последним словом разумелись дома или хаты, но немногого ниже читаем: *expense pro redimendo... captos a Casapalibus Berzeboch* [т. е. издержки по выкупу взятых а casapalibus Берзебоха]; здесь под Casapalibus разумелись, вероятно, подданные или вассалы Берзебоха, очевидно тождественного с упомянутым в другом месте «Dominus Coparii Berzebuch», мужа Борунды (Domina Borunda) и отца Cambalot».

Брун отождествляет упомянутых выше лиц с Берзебохом, заключившим в 1462 г. конвенцию для найма солдат, и с Dominus Coparii Parcibeche, прозвывавшимся также Jehticus или Geticus, о котором упоминается под 1446 г.¹ В переписке консулов Кафы с Генуей неоднократно упоминается «dominus Coparii» — Belzebus Parsibioc, Parsaboc и т. д. Несомненно, под всеми этими именами следует подразумевать одно и то же лицо.

Другая черноморская колония Генуи — Chalolimen (Zimessé — Суджук-Кале), древняя Бата, прекрасный порт для торговли, где генуэзцы установили выгодный обмен.² Бата (Батнар) расположена на берегу Азовского моря у бухты Ochtar. В XV в. эта колония сделалась княжеством с замком, находившимся во владении генуэзской фамилии Иларио де-Марини. Жители платили дань Каффе. Один документ от XV в. упоминает о корабле с грузом рыбы из Батиара.³

Maurolaco (Mavroloco — Геленджик) — лучший порт черкесского побережья, очень часто посещаемый итальянскими купцами.⁴

Колония Пеше встречается на итальянских картах вблизи устьев Кубани и Бейсу. Название Pess (Pexo, Pèxis, Pesce, Pesso, lo Pexo) тождественно с названием порта Пеше, о котором говорит Пеголотти. Это доказывает, что данная местность сохранила свое прежнее значение в отношении рыболовства.⁵ По замечанию того же автора, суда грузились там в пятнадцати милях от берега.⁶ Отметим также Chali Zichia, Alba Zichia (Aoul de Zichie) — порт на Черноморском побережье.⁷

Из других генуэзских селений на черкесском побережье упомянем: Санта Круче (Cavo de Croce) на северной Таманской косе; впрочем, точное местоположение не установлено.⁸ В XII в. так называлось

¹ Брун. Черноморье, II, 233 («Записки Новоросс. ун-та», XXX).

² Elie de la Primaudaié, op. cit., 235, 236, 237.

³ Atti, VII, f. 2, 243; Donaver. La storia della Repubblica di Genova, I, 161; Desimoni. Nuovi studi sull'Atlante Luxoro... Atti, V, 186.

⁴ Elie de la Primaudaié, op. cit., 238.

⁵ Брун. Notices... 11.

⁶ Canale. Della Crimea..., II, 365; Pegolotti. La Pratica della mercatura..., III, cap. IX, 40.

⁷ Elie de la Primaudaié, op. cit., 238—239.

⁸ Брун. Notices... 6, 8; Фелицини, op. cit., 4.

генуэзское эмбело или фондако (торговое подворье, склад товаров), основанное в Константинополе в 1162 г., где находилось тогда триста генуэзцев. Это фондако носило название *di Santa Croce*.¹ По договору 1178 г. генуэзцам возвращались убытки, причиненные разрушением их эмбело пизанцами.² В дальнейшем на Азовском побережье возникло поселение того же имени.

Cavo Вихо — колония, основанная в целях создания удобного порта для торговли лесом, вывозившимся в Константинополь.³ По соседству с ним находилась Пицунда — порт, где останавливались генуэзские суда.⁴

Bacinachi или Balzimachi был одним из первых портов по направлению от Таны к Черкесии; там, по словам Пеголотти, суда грузились на расстоянии 3 итальянских миль от берега. Мера, здесь употребляемая, превышала на один процент меры Каффы.

Порт Сан-Джорджио (San Giorgio) был четвертым портом по направлению к Черкесии от Таны. Там не грузили судов, считая это место опасным.⁵

Порт Лотар (Lotar) был вторым по направлению к Черкесии от Таны. Суда нагружались в 3 милях от берега. Меры, употребляемые там, были те же, что и в других портах Черкесии.⁶ Страна, лежащая между Кубапью и Азовом, подчинялась тогда князю Биберди, упомянутому еще путешественником Барбаро, который называет его князем Кремуха.⁷

Перечисленные порты и многие другие, на которых мы не будем останавливаться (Tap, Balzimaki — Ейск и т. д.), представляли собой маленькие каботажные столички.⁸ Карты средних веков показывают, что итальянцы знали побережье западного Кавказа в мельчайших подробностях: эти карты пестрят названиями местечек, заливов, мысов и речек.⁹ Насколько хорошо было известно итальянцам Черноморское побережье, видно из описания путешествия Марко Поло; последний считал бесполезным распространяться об этих областях, так как, по его словам, туда постоянно ездили итальянские купцы: «по этой причине я предпочитаю ничего не говорить».¹⁰

В заключение этого краткого очерка о генуэзских колониях восточного побережья Черного моря надо сказать несколько слов относительно нынешнего Сухума, бывшего Sebastopolis. Это был важный центр генуэзской торговли на Кавказе, откуда купцы извлекали большие доходы, а Генуя — значительные пошлины. В городе находилось

¹ Donaver. *La storia della Repubblica di Genova*, I, 90.

² Ibid., 315.

³ Heyd. II, 177.

⁴ Bratianu. *Recherches...*, 246.

⁵ Pegolotti, op. cit., 39; Canale. *Della Crimea...* Genova, 1855, II, 365.

⁶ Canale. *Della Crimea...* II, 372.

⁷ Desimoni. *Nuovi studi sull'Atlante Luxoro, Atti*, V, 184.

⁸ Bratianu. *Recherches...*, 243.

⁹ Heyd. II, 191.

¹⁰ Bratianu. *Recherches...*, 196.

консультство (древнейшее из них относится к 1354 г.). В Себастополе кончался стариный торговый путь, шедший через Кавказ по долине Теберды и вверх по Кубани и связывавший Черноморское побережье с горскими народами центрального Кавказа; здесь же кончалась дорога через Рион (Фазис) в Имеретию и Грузию, которую часто посещали генуэзские купцы.¹

III. ПРОНИКНОВЕНИЕ ГЕНУЭЗЦЕВ В ГЛУБЬ КАВКАЗА

О пребывании генуэзцев на Западном Кавказе сохранились не только письменные свидетельства, но и вещественные памятники. Полковник Rottier, совершивший вместе с русскими войсками поход на Кавказ в 1812 г., и некоторые другие очевидцы и писатели отмечают, что постройка большей части зданий на Черноморском побережье Кавказа приписывалась генуэзцам. Кларк и Спенсер отмечают генуэзские развалины в Сухум-Кале.² Среди черкесов еще в XIX в. жила память о генуэзцах, которых они называли «генос».³

В 60-х гг. XIX в. Теофил Лапинский, долгое время живший в Черкессии, писал: «Еще в настоящее время находят многочисленные надгробные памятники с латинскими надписями и простым крестом, высеченным на камне или сделанным из дерева... В гробницах находят оружие с латинскими надписями и гербом Генуэзской республики и значительное количество золотых, серебряных и медных монет генуэзской чеканки; сабли встречаются так часто, что почти в каждой юпэ-из можно найти десять и более сабель генуэзского происхождения».⁴

По описанию графини Уваровой, на берегу Черного моря у реки Аисары (или Псырте) сохранились остатки генуэзской крепости, основанной в XIII в.: «Следы этих генуэзских построек следует признать в остатках стен и двух круглых башен, сложенных из голышей извести».

«Кладка этих стен и башен весьма крепкая; толщина их весьма значительная; башни сложены с устоями и контрфорсами к морю, но кладка их и весь стиль далеко не классический и не может быть приписан за греческую или византийскую работу».⁵ В 40-х гг. XIX в. англичанин Спенсер, описывая развалины Суджук-Кале, делает пред-

¹ Desimoni. Atti, V, 183, 184; Fanucci. Storia..., IV, 729—730; Врун. Черноморье, I, 293.

² Rottier. Itinéraire de Tiflis à Constantinople. Bruxelles, 1829, 185; Clark. Travels in various Countries of Europe, Asia and Africa. London, II, 130, 254; Spenser. Travels in the western Caucasus. London, 1838; Spenser. Travels in Circassia. London, 1839, I, 328.

³ Память о так называемых «франках», т. е. всех вообще народах европейского происхождения, пребывавших когда-либо на Кавказе, сохранилась между этими горскими племенами. Им известны не только генуэзцы, но также греки, венецианцы-венеды (А.-Д. Г. Очерк горских народов правого крыла Кавказской линии. Военный сборник, 1860, XI, 289).

⁴ Lapinski. Die Bergvölker d. Kaukasus und ihr Freiheitskampf gegen Russland, I, 80.

⁵ Материалы по археологии Кавказа, IV, 8, 10.

положение, что некогда здесь была настоящая крепость, скорее европейского, чем азиатского типа, и что ее построили генуэзцы в эпоху своего господства на Черном море.¹ По словам того же автора, крепость Апапа была построена на развалинах некогда стоявшего здесь генуэзского укрепления.²

Другой очевидец, известный английский политический агент Белль, несколько лет живший в Черкесии (1837—1839 гг.), оставил нам описание генуэзской крепости, находящейся в Черкесии. Она была расположена на вершине высокого холма и возвышалась над дорогой, которая пролегала здесь и вела от равнины Кубани в Геленджик и Suguldjuk. Белль видел остатки степи, ворот и внутренней части укрепления. С этой крепостью связана легенда о том, что какой-то человек, вооруженный мечом, один захватил ее. Беллю сообщили, что на холме, где стояла крепость, часто находили длинные шпаги и золотые медали.³

В 1838 г., при занятии Цемесской долины русскими войсками, на месте нынешнего Новороссийска были найдены хорошо сохранившиеся остатки генуэзских укреплений. В XV в. к юго-западу от города, на горе, известной у натухайцев под именем Нелят (злодей), султан Крым-Гирей видел в 1865 г. остатки цитадели, называющейся в преданиях горцев Дженоуз-кале, т. е. генуэзская крепость. У натухайцев, живших прежде в этой местности, сохранилось предание об осаде этой цитадели какими-то сильными пришельцами. Генуэзцы не ограничивались одним прибрежным районом Черкесии. Жаждя паживы манила их вглубь страны; имеются сведения о проникновении их в центральные районы Кавказа.

Черкесы приписывали генуэзцам каменные башни, находившиеся на реке Зеленчуке, в верховьях рек Кубани и Аксакута, а также развалины колоний на рр. Кефаре, Тиберде и огромных укреплений (Хумаринского и между рр. Бежгоном и Кефаром).⁴

По словам М. Н. Каменева, следы генуэзской дороги существовали в Кубанской области еще в начале 60-х гг. XIX в. Дорога эта начи-

¹ E. Spencer. Travels in the western Caucasus, v. 1, London, 1838, I, 163—164.

² E. Spencer. Travels in Circassia, Krim Tartary, 3 ed., 1839, I.

³ I. S. Bell. Journal d'une résidence en Circassie pendant les années 1837, 1838 et 1839. Paris, 1841, I, 221.

⁴ Анонимный автор статьи «Очерк горских народов правого крыла кавказской линии» (Военный сборник, XI, 1860) отмечает большое количество археологических памятников интересующей нас эпохи:

- 1) На Кефаре (Кефар и Бежгон впадают слева в р. Большой Зеленчук), в 12 верстах от укрепления Надеждинского, у нынешнего аула Сидова, на мысе, образуемом крутыми берегами Кефара и впадающего в него ручья.
- 2) В самой долине Кефара, внизу, под стенами этой колонии, видны развалины другой, меньшей, вероятно выселившейся из верхней.
- 3) В вершинах Большого Зеленчука и ниже, на Зеленчуке, там, где пересекает его дорога из Надеждинского укрепления в Хумару.
- 4) На Малом Зеленчуке, между аулами Абатова и Трамова.
- 5) Наконец, на левом берегу Кубани, против Хумары, на р. Шони.

иалась от Анапы, направлялась к станицам Холмской, Саратовской, Ханской, Царской, быв. Псеменской, оттуда на рр. Кефар и Большой Зеленчук, далее через р. Маруху на Тиберду к Кубани и в Карабай, откуда одна ветвь перебрасывалась через главный хребет в Цебельду, а другая шла по Тереку к прибрежью Каспийского моря.¹ По свидетельству Лапинского, генуэзцы посыпали свои товары из Феодосии в Анапу, Чуджук-Кале и Геленджик; от этих трех пунктов «шли пути на Кубань, и от правого берега реки тянулись караваны до Каспийского моря». Это был путь, соединяющий генуэзские торговые пункты в северной части Туркестана, Ираном и Китаем. Некоторые следы этого сохранились ко времени пребывания Лапинского в Черкесии. Он отмечает, что при нем еще достаточно сохранилась высеченная в скалах дорога, которая вела от Мезеба через горы до р. Абин; оставались следы дороги в лесу Адерби, следы европейских каменных жилищ и, паконец, остатки форта на вершине одной высокой горы у Шапзогура. «Существуют еще земляные валы и рвы, а также ветхий колодец, который был, вероятно, очень глубоким и мог быть сделан только европейскими рабочими.

Но самое верное доказательство (пребывания на Кавказе генуэзцев) — это многочисленные надгробные памятники². На отмеченных выше путях генуэзцы имели укрепленные фактории и складочные пункты. Кроме того, у них были укрепленные пункты и в горах, как, например, по реке Шебжу близ Тхаматинской возвышенности, где горцы называли один курган генуэзским. По преданиям горцев, в этом кургане покончился некто Гену, а при нем несметное богатство. Курган этот в период борьбы кавказских горцев за независимость служил щапсугам для народных совещаний. Раскопки под руководством Веселовского (в 1896 г.) около станицы Белореченской обнаружили 53 кургана, относящихся к XIV и XV вв. Такого рода курганы широко распространены по всей Черкесии. Помимо обычных для курганов предметов, здесь найдена одежда из шелка, парчи и бархата, нападноевропейского, по мнению Веселовского, происхождения. В осетинских могильниках найдены куски итальянских тканей (раскопки Куфтипа), что явно указывает на торговые связи с центральным Кавказом. Осетины, как и черкесы, высоко ценили оружие, сделанное некогда генуэзцами или принадлежавшее им.

Не останавливаясь на подробном перечне памятников генуэзской колонизации на Западном Кавказе, отметим, что это были преимущественно постройки военного и гражданского характера. Но вообще, надо подчеркнуть, вопрос этот недостаточно изучен.

С генуэзцами связаны некоторые легенды, еще сохранившиеся в этих областях. Таковы легенда о богах, умерших в Черкесии, и две

¹ C. Desimoni. Nuovi studi sull'Atlante Luxoro, Atti, V, 184, 185, 186, 189, 190; Материалы по археологии Кавказа, IV, 30; Отчет Археологической комиссии 1897 г., 16; Бруни. Черноморье, I, 294; Dubois de Montprégeux. Voyage autour du Caucase, I, 79—80; J. Klaproth. Voyage au mont Caucase et en Géorgie. Paris, 1823, I, 347.

² Lapinski, op. cit., I, 81.

легенды, записанные Dubois de Montpréreux. Живы еще легенды о кабардинских племенах, которые ценою бесчестья своих жен получили территорию вдоль р. Терека, и о печальной судьбе Некеджам-Хапум (Nekegiam Khanim), дочери Тохтамыша: она убежала из ханского дворца с прекрасным генуэзцем, а когда их настигли и юноша был казнен, девушка не захотела пережить его и бросилась с высокой стены Киркор (Kirkor); после этого хан, слишком поздно раскаявшись, поставил ей памятник.

Во времена Броневского горцы еще хорошо помнили, что их предки были обращены в христианство генуэзцами.¹

Dubois de Montpréreux, путешественник 1-й половины XIX в., приводит фольклорный материал, сохранившийся у горцев о временах генуэзской колонизации. Elie de la Primaude указывает, что некоторые племена к северу от Кубани считали себя потомками генуэзцев.² Доминиканец Юлиан с товарищами проехали в начале XIII в. через Матрегу и после 13 дней езды через пустынные земли они прибыли в Аланию, которая была поделена между многими мелкими владельцами, христианами и язычниками, находившимися в постоянной вражде друг с другом. После ряда бедствий доминиканцы проехали в Поволжье. Это показывает, насколько трудно было проникнуть в 1-й половине XIII в. через области Северного Кавказа. По правильному замечанию Братпану, при таких условиях торговля могла установиться лишь при помощи туземных караванов.³ Донесение Рубрука (1253 г.) показывает, что положение вещей несколько изменилось. При сравнении описаний Юлиана (1236 г.) и Рубрука видно, что после монгольского завоевания условия проезда через Крым и южные степи в Центральную Азию и на Дальний Восток изменились к лучшему. Правда, случались еще аварии по дорогам, но тем не менее можно было ездить от перехода к переходу через предкавказские степи.⁴ Пеголотти, описывая условия проезда на Восток, говорит, что до Таны можно ехать без риска, путешествуя днем и почью; от Таны же путь менее безопасен и приходится путешествовать групами. Однако и здесь необходимо принять ряд предосторожностей и в первую очередь запастись драгоманом и слугами, знающими язык куманов.⁵

¹ C. Desimoni. Nuovi studi sull'Atlante Luxoro. Atti, V, 184, 185, 186, 189, 190; Материалы по археологии Кавказа, IV, 30. Отчет Археологической комиссии 1897 г., 16; Брун. Черноморье, I, 294; Фелицини. Некоторые сведения о генуэзских поселениях в Крыму. Куб. сборн., V, 23—24.

См. также фольклорный материал: Dubois de Montpréreux. Voyage autour du Caucase, I, 79—80; Klaproth. Voyage au mont Caucase et en Géorgie. Paris, 1823, 347.

² Études sur le commerce au moyen âge. Histoire du commerce de la mer Noire et des colonies de la Crimée. Paris, 1848, 127.

³ Bratianni. Recherches..., 210—212. Рассказ доминиканца Юлиана. «Записки Одесск. об-ва ист. и древн.», V, 999—1001.

⁴ Bratianni. Recherches..., 212—218.

⁵ Ibid., 240.

Плано Карпини и Рубрук были путешественниками-одиночками; но в последней четверти XIII в. миссионеры и купцы разъезжали по всей Золотой Орде. Неголотти оставил нам подробное описание торгового пути из Таны через предкавказские степи в Сарай, Ургенч и даже в Китай. Путь от Таны до Саира проходили в 25 дней на быках и в 10—12 дней на лошадях.¹ Тана была исходным пунктом этого пути. Здесь снабжались, так же как и в Александрии, товарами Индии и Индокитая, которые приходили караванами по двум путям: или через Кабул, Ургенч, Сарай и Тану, или же через Персию до Астрабада, далее морем до Волги и отсюда караваном в Тану.² В Тане же высаживались итальянские мореплаватели. Генуэзское поселение в Тане возникло между 1316 и 1332 гг. В 1332 г. там возникло венецианское поселение.³

Водворившись в черноморских колониях, генуэзцы предпринимали торговые поездки к Волге и Каспийскому морю. Торговля итальянцев с Персией через Каспийское море и Астрахань, открытая генуэзцами во времена Марко Поло, получила без сомнения новый импульс с водворением итальянцев в Тане. На Каспийское море генуэзцы ездили за шелком; центром производства лучших сортов его был Гилян.⁴ В 1307 г. Тохтамыш захватил в Сарае товары, принадлежавшие генуэзцам.⁵ Население Саира состояло в то время из монголов, осетин, кипчаков, черкесов, греков и др. Рынок Саира был обширен, особенно певольничий.⁶ Из так называемого «Кatalонского атласа» 1375 г. и карты братьев Пиццагани видно, что итальянские купцы были хорошо осведомлены о Каспийском море и условиях торговли на нем. Между Астраханью и Терками перечислен ряд пунктов — Bachanti, Mondasi, Cotaba, Fabihagi, Cubena и др.; последние, без сомнения, являлись станами кочевников, так как на этом участке Каспийского моря берега были пустынными.⁷ На указанных картах фигурируют между прочим следующие места: Golf de Terchi⁸ и Terchi.⁹ На карте бр. Пиццагани помечен flumen Terqi — река Терек. Затем фигурирует Derbt (Дербент) и ряд других мест Каспийского побережья, посещавшихся итальянцами.¹⁰ По указанию Фануччи, генуэзцы выстроили и заселили поселение Кубачи в Дагестане.¹¹

¹ Bratianu. Recherches... 232, 239 etc.; Heyd, II, 226.

² Heyd, II, 189.

³ Bratianu, 244; Heyd, II, 181—182.

⁴ Heyd, II, 189.

⁵ Ibid., 176.

⁶ Ibid., 228.

⁷ Elio de le Primaude aie, op. c., 269, 270.

⁸ По мнению Бруна, Астраханский залив.

⁹ Древний город Тарки, в соседстве с нынешним, или, скорее, город Терки при устье реки Терек, совпадающий, как думают, с хазарским городом Семендером (в Каталонском атласе).

¹⁰ Брун. Черноморье, II («Записки Новоросс. ун-та», XXX, 160, 174, 175, 176 и др.).

¹¹ Fanucci. Storia dei tre celebri popoli marittimi dell'Italia. Livorno, 1855, IV, 730.

IV. ЭКСПОРТ И ИМПОРТ. ФОРМЫ И УСЛОВИЯ ТОРГОВЛИ

Какие товары вывозились из Западного Кавказа? В источниках упоминаются главным образом рабы, а также сушеная и соленая рыба, икра, воск, хлеб, мед, дерево (самшит и другие сорта), бараньи шкуры, лисьи, куницы и прочие меха, хлопчатая бумага, шафран, серебряная руда, вино, фрукты.¹ Наибольший удельный вес имели рабы, рыба, мех, хлеб, воск. Точных размеров и соотношений вывоза этих предметов установить, к сожалению, невозможно.

Остановимся сначала на рабах — предмете международной торговли. Цены на них не были точно установлены. Учитывались внешность, телосложение, возраст и различные занятия, для которых их предназначали. Поставщиками были прежде всего сами черкесские феодалы, которые продавали своих пленных и рабов. Дети пленных, если они были красивы и хорошо сложены, тоже продавались; они-то и составляли основной источник работорговли.² Татары точно так же поступали со своими пленными, среди которых были и черкесы; они привозили в Тану, Каффу и другие пункты пленных, захваченных во время набегов на кавказские земли.³ Но гепуэзцы не ограничивались тем, что им предлагали, а захватывали рабов сами. Бессспорно, что гепуэзцы вывозили из своих черноморских колоний большое количество рабов мужского пола и еще больше женского. Это были главным образом татары, черкесы и русские. Из невольничих рынков Черного моря следует отметить Каффу, Тану, Себастополис и Копу.⁴

Источники говорят, что большая часть рабов, продаваемых в Каффе итальянскими купцами, была кавказского происхождения: абхазы, черкесы, лезгины.⁵ Часть рабов оставалась в черноморских колониях, большая же часть направлялась в Египет и другие мусульманские страны.⁶ Этому способствовало и то обстоятельство, что египетский Судан получил в 1263 г. непосредственный доступ в Черное море для покупки рабов.⁷ § 634 статута Каффи гласит следующее: «Также постановляем, что означенный консул Копы может получать за каждого раба, вывезенного оттуда, по 6 аспров». Следовательно, торговля рабами поощрялась самими консулами Копы. Начало работорговли Генуи на Черном море относится к XIII в. В 1379 г. между Генуей и египетским султаном был заключен договор, по которому, в числе прочих условий, дозволялось его подданым «производить в Каффе торг невольниками, с обязательством за

¹ Atti, VII, f. 1, 848, 849; Actes des notaires Génois..., 276—277; Bratianu. Recherches..., 196, 248; Heyd, II, 180; Elie de la Primaudai, 136, 186, 234 etc.; Canale. Nuova istoria... di Genova, I, 320.

² Elie de la Primaudai, 237—238.

³ Heyd, II, 556.

⁴ Ibid., 178.

⁵ Bratianu. Recherches... 192.

⁶ Heyd, II, 558; Bratianu. Recherches..., 229.

⁷ Ibid., 206—207.

условленную цену освобождать от неволи тех, которые пожелают принять христианство».¹

Такая же оговорка имеется и в § 380 статута Кафы: «Постановляем..., что епископ Кафы должен немедленно известить синдиксов, если раб или рабыня бежит в его дом, и в трехдневный срок окрестить их, после чего тотчас же представить означенным синдикам, которые обязаны всех рабов или рабынь продать и деньги отдать хозяевам».² Торговля рабами быстро развивалась, будучи чрезвычайно выгодной для обеих сторон. Черкесия — страна красивых девушек и храбрых, воинственных, хорошо сложенных юношей — поставляла для этой торговли товар, высоко ценимый на невольничьем рынке.

В донесении об Оттоманской империи венецианского посла Лоренцо Бернардо в 1592 г. говорится, что Турция граничит с черкесами и мингрелами, которые «представляют собой как бы рудник для добывания рабов у турок, потому что они занимаются тем, что промышляют там рабами, которых везут наподобие скота в Константинополь и продают с публичного торга».³ Уведенные в раннем возрасте, черкесы обоего пола продавались в качестве слуг и пажей в восточные страхи. Таким же путем возникла и поддерживалась армия мамелюков.⁴ Из донесений венецианского посла Бернардо Наваджero в 1553 г. видно, что «турецкий султан имеет 4 сераля..., (которые) пополняются каждый раз, когда бывает война на суше или на море, христианскими детьми всякого рода, а именно: болгарами, венграми (и т. д.)... по много и албанцев, славонцев, греков, черкесов, русских».⁵ Венецианский посол Винченцо ди Алессандро, описывая в 1572 г. шахский двор, указывает, что все невольницы были черкешенки или грузинки.⁶ Султан Мустафа был рожден от матери-черкешенки.⁷

О международном значении работорговли в Черноморском бассейне можно судить по такому факту. В 1424 г., когда египетский султан, затеявший войну с кипрским королем, победил и взял в плен последнего, в числе прочих требований, предъявленных к нему генуэзцами по возмещению убытков, причиненных им этой войной, было следующее: «Чтобы нам возместили убытки, причиненные нашим купцам в размере 60 000 золотых дукатов, которые у них были взяты как контрибуция за рабов из Кафы».⁸

Правда, генуэзское законодательство запрещало перевозку невольников на своих судах.⁹ Но этот декрет легко можно было обойти: купцы из Копы посылали, или же сами черкесы сопровождали юношей

¹ Serraga, IV, 140.

² Atti, VII, f. 2, 635.

³ Relazioni degli ambasciatori veneti, 1844, II, ser. III, 388.

⁴ Serraga. Storia della antica Liguria e di Genova, I, 71.

⁵ Relazioni degli ambasciatori veneti al Senato, I, 42.

⁶ Berchet. La repubblica di Venetia e la Persia, 175, d. № 26.

⁷ Relazioni... I, 77.

⁸ Canale. Nuova istoria... di Genova, II, 449.

⁹ Ibid.

и девушек до Каффы, куда ежегодно приходили за ними два судна египетского султана.¹ Но архивные данные ряда итальянских городов показывают нам с полной очевидностью, что рабы вывозились не только в Египет и другие восточные страны. Громадные партии рабов переправлялись также в XIV и XV вв. в европейские страны.² «Преобладание Генуи и Венеции на Черноморском рынке, — говорит Лучицкий, — сделало из этих городов главные центры торговли рабами в Италии в XIII и XIV вв.». «В Венецию и Геную рабов привозили сотнями и тысячами и рынок всегда был полон.» В 1368 г., например, количество привезенных рабов было настолько значительно, что венецианское правительство, в виду настроения их, было в сильной тревоге, опасаясь настоящего восстания с их стороны и прибегло к палкам (*bastonar*) для усмирения рабов.³ Среди этих рабов преобладали женщины, так как вообще в Италии, в противоположность мусульманским странам, спрос был больше на женщин-рабынь. Видное место на этом рынке занимали черкешенки, стоявшие, как мы увидим дальше, по цене на втором месте после русских рабынь. В генуэзских архивах XIII в. сохранилось много нотариальных документов, относящихся к работорговле на Кавказе.⁴ Из них видно, как высоко ценились на рынке черкесы. Например, одна черкешенка 14 лет была продана за 500 аспров, тогда как лезгинка того же возраста стоила всего 370; один черкес 14 лет продан за 750 аспров, тогда как венгр 30 лет стоил всего 130 аспров, а болгарка 39 лет с двумя детьми в придачу — всего 600 аспров.

В этих нотариальных документах почти всегда указывается имя, происхождение раба (национальность), возраст и даже цвет кожи и волос. Среди продавцов черкесских рабов фигурируют: нотариус Джакомо Муссено, торговец пряностями Антонио, пекарь Оберто, торговец мясом Гуилельмо, нотариус Бернабо, торговец пряностями Даниэль де Бонавентура, портной Джованни, скорняк Энрико и т. д.⁵ Иногда указывается, откуда приехали работорговцы: из Асти, из Никии, из Каффы, из Порты, из Карро и т. д.,⁶ т. е. из всех стран Причерноморья и Средиземноморья. Купленные черкесы и черкешенки были в возрасте от 10 до 15 лет, стоимостью от 230 до 750 аспров, обычно около 300—500 аспров. Из генуэзских документов XIII в., опубликованных Братиану, видно, что на первом месте по цене стояли черкесы. Хейд же на основании сообщений путешественника XV в. Тафура считает, что на первом месте стоят татары: «Подданные, наиболее высоко ценимые, — говорит он, — были татары, они стоили от

¹ Segg'a. I, 74; Мурзакевич. История генуэзских поселений, 36.

² Лучицкий. Русские рабы и рабство в Руссильоне в XIV—XV вв. Оттиск из «Известий университета св. Владимира» за 1886 г. Его же. Рабство и русские рабы во Флоренции в XIV и XV вв. Киев, 1886.

³ Его же. Рабство и русские рабы во Флоренции, 12, 13.

⁴ Actes des notaires Génois de Péga et de Caffa, 183, 189, 199, 208, 243, 251 etc.

⁵ Ibid., 204, 218.

⁶ Ibid., 199, 248, 252, 295 etc.

130 до 140 дукатов с головы; за черкеса платили от 110 до 120 дукатов; за грека около 90, за албанца, славона, серба от 70 до 80...».¹

Как раз к противоположному выводу приходит Лучицкий, проработавший итальянские монографии о работоторговле: «Дешевле всего ценились (в Италии) татары и татарки. Их покупали за 139 лир (в Венеции) в 1361 году». Дороже всех стоили русские женщины. Так, в 1429 г. 17-летняя русская девушка была приобретена за максимально высокую цену — 2093 лиры (между тем как за целую татарскую семью, состоявшую из мужа, жены и трех детей, заплачено 2738 лир). Следующими по цене были черкешенки. Цены на них колебались между 842 и 1459 лирами. «В Лукке в XIV в., — продолжает тот же автор, — за черкешенок платили от 2000 до 2400 лир. Средняя цена в конце столетия стояла не ниже 1600 лир. За одну черкешенку в 1431 году был уплачен 71 золотой дукат».² Надо полагать, что выводы, сделанные Братиану относительно роли черкесов в работоторговле, более правильны, по крайней мере для XIII в., так как они основаны на большом количестве неиспользованных до сего времени первоисточников. Это же подтверждает итальянский миссионер начала XVII в. да-Лукка, проживший в Черкесии 5 лет и оставивший нам одно из самых ценных описаний страны.³

Другим важным предметом вывоза был хлеб. В первое время проникновения Генуи на Черное море, когда колонии представляли из себя группы домов и складов, генуэзцы должны были покупать хлеб у туземцев.⁴ Кто были эти туземцы? Очевидно, что колонии, расположенные на черкесской территории или близ нее, зависели в этом отношении от своих соседей. Винья в своих комментариях к сборнику «Тауро-Лигурдия» пишет: «Владения генуэзцев не распространялись далее городской черты..., за которой начинались области, возделываемые туземцами, а небольшая территория, предоставленная для этой цели колонистам, была по большей части расположена в гористой и неплодородной местности».⁵ Но и в более позднюю эпоху, в XIV и XV вв., итальянские колонисты покупали хлеб в Алании и Черкесии. Хлеб предназначался не только для внутреннего рынка, для удовлетворения потребностей Черноморских колоний, но и для внешнего — в Византию, Трапезундскую империю и в Европу. Из «Венецианской хроники» Мартино Канале⁶ мы узнаем, что в 1268 г., когда в Италии был голод и в Венеции сильно вздорожали продукты, дож Лоренцо Тьеполо «и благородные венецианцы разослали корабли всюду, даже к татарам и во многие другие приморские страны, с повелением закупить хлеб и привезти в Венецию... Татары, аланы, зихи, руссы, турки, армяне и греки дали в ту пору хлеб венецианцам».

¹ Heyd, II, 558—559.

² Лучицкий. Рабство и русские рабы во Флоренции..., 19, 20.

³ Da Lucca. Relazioni (Ciampi. Bibliografia critica, II, p. 59).

⁴ Братиану. Recherches..., 248.

⁵ Atti, VI, 217.

⁶ Archivio storico Italiano. Firenze, 1845, VIII, 651, 655.

Венецианский хронист отмечает, что во время конфликта между монголами, Венецией и Генуей в 1343 г., когда торговля Таны и Кафы была прервана, в Византии ощущался сильный недостаток ржи и соли. Лишь с большим трудом можно было найти в Малой Азии и Персии хлеб для снабжения Константинополя. Из этого следует, что земледелие в Южной России и на Западном Кавказе должно было получить толчок к развитию, раз задержка с экспортом вызвала голод в Византийской империи. В контрактах Кафы за 1289 и 1290 гг. постоянно идет речь о больших транспортах ржи, ячменя и проса, направляемых в Трапезунд и Самсун. Урожай алан и черкесов также реализовались в Крыму.¹ Когда территория итальянских колоний несколько расширилась, колоны пытались сами, подобно античным грекам, учреждать фермы вокруг некоторых своих поселений.² Например, от Сольдайи находились в зависимости 18 деревень, где занимались преимущественно виноградарством (в XV в.). Во всяком случае, если это и имело место в более позднюю эпоху, то и тогда хлебная торговля с туземным населением играла значительную роль. В 1474 г., когда Эминех, татарский правитель сельской области (Кампани), расположенной около Кафы, поссорившись с Каффой, запретил вывоз хлеба и проса из своей земли, жители Кафы должны были отправить барки в Монкастро (Аккерман), где, по словам документа, хлеба было много, а также в другие места. «А еще в Воспоро (Керчи) и в Зихии должно быть изобилие хлеба, оттуда мы также получим его порядочно».³

Неурожай в Крыму, вызванные засухами, тяжело отражалось на населении колоний. 21 октября 1454 г. консул Кафы пишет протекторам: «В довершение всего мы опасаемся голода в будущем году по причине плохого урожая в окрестностях».⁴ Когда голод в действительности наступал, положение колоний становилось бедственным, так как подвоз хлеба из метрополии, несмотря на все старания, был весьма затруднителен из-за корсаров и турецких судов, подстерегавших хлебные транспорты, отправленные из Италии на помощь голодающим. В этих случаях исключительно важное значение приобретало отношение к колонистам со стороны окрестных туземцев, которое, судя по документам XV в., было враждебным. В письме четырех *borghesi* (горожан Кафы) к протекторам от 6 сентября 1455 г. мы читаем: «Город наш не только страдает от недостатка припасов, но терпит истинный голод... Хлеб в тех местах (Монкастро и Ликостомо) стоит 50 и 55 аспров за меру и будет стоить еще дороже. Урожая, собранного в Кампанию, недостаточно даже для посева... На Зихию же и Турцию нечего нам надеяться (так как эти государства нам враждебны)».⁵ К сожалению, у нас нет более подробных сведений о хлебной торговле Черкесии. Некоторые данные о черкесском экспорте

¹ Bratianu. Recherches..., 177, 247—249.

² Ibid., 248.

³ Atti, VII, f. 2, 121 — из письма консула Кафы Кабелла протекторам банка Сан-Джорджио.

⁴ Atti, VI, 379, 396.

⁵ Ibid., 368, примеч. Vigna.

можно извлечь из документов Братиану, так как в них всегда указывается, где именно должны быть реализованы товары, закупленные на ярмарке в Коне: так мы узнаем, что рыба и икра из Коны продавалась в Самсуне,¹ в Трапезунде, в Константинополе² и т. д.

Кой-какие указания о черкесском экспорте мы находим в описаниях отдельных генуэзских колоний на Западном Кавказе. Относительно вина и его экспорта будет сказано дальше в связи с рассмотрением типов колоний на Черном море.

В Черкесию импортировали: соль, хлопчатобумажные ткани, хлопок-сырец, рис, мыло, ладан, горчицу, инбирь (из которого черкесы, смешав с медом, готовили крепкий напиток), некоторые утонченные пряности, итальянские сукна и бокассины, букаран (легкая драгоценная ткань вроде муслина), ковры,³ клинки сабель с выгравированными на них надписями, гербами и разными рисунками. Сабли эти высоко ценились горцами и передавались как драгоценность по наследству от отца к сыну. Особо следует остановиться на бокассинах. Это были куски ткани из тонкого льна для рубашек различной длины; они заменяли в Черкесии деньги. Наряду с ними фигурируют аспры, мелкая серебряная монета, которая постепенно заменила эту примитивную денежную единицу.

Каффа не пользовалась правом чеканить монету во время своей зависимости от Генуи. Уставы 1290 и 1316 гг., так называемые «de vetum checagum» (или «zeccagum»), строго запрещали это. В уставе 1449 г. также ничего не говорится о монетном дворе. Аспры, «aspri di argento», Каффи были вероятно серебряные аспры — греческая монета, имевшая хождение в Каффе, но отнюдь не аспры из каффского серебра. О монетном дворе в Каффе говорится впервые в письме консула Домокульта в 1454 г. Вероятно он учрежден был несколько раньше, т. е. в 1453 г., после передачи банку Сан-Джорджио, который вместе с прочими правами получил право и чеканить монету.⁴ В книгах массарии 1469 г. фигурирует «пробирщик монетного двора города Каффи».⁵ На аспрах XV в. чеканились слово Caffa и инициалы консула с изображением в поле генуэзского портала; на обратной же стороне была татарская тамга (изображение трезубца) с мусульманской легендой.⁶ Наряду с аспрами в черноморских колониях имели хождение sommi — первоначально серебряные бруски определенного веса (рубленые куски серебра), но чаще ими обозначали известный вес или сумму серебра, которая равнялась от 150 до 200 аспров по курсу.⁷ Этим и объясняется, что на северном Кавказе не найдены монеты итальянского чекана.

¹ Actes, doc. № 306.

² Ibid., doc. № 286.

³ Ibid., doc. № 290.

⁴ В. Юргевич. О монетах генуэзских, находимых в России. «Записки Одесского о-ва истории и древностей», VIII, 153—154.

⁵ Canale. Della Crimea... Genova, 1855, II, 346.

⁶ Donaugh. La Storia della repubblica di Genova, Genova, 1913, v. I, 40.

⁷ В. Юргевич. О монетах генуэзских, . 154; Мурзакевич. Монеты Джучидов..., «Записки Одесского об-ва...», I, 303. Donaugh. La Storia..., v. I, 41.

Однако на Кубани и в Черкесии меновая торговля еще долго господствовала над денежным обращением.¹ Купцы, заключающие контракт на закупку товара в Копе, обозначая денежные суммы в аспрах-«барикатах» [серебряная монета, носявшая имя крымского хана Берке],² бывших ходячей монетой в Крыму, тут же переводили эту сумму на предметы меновой торговли — ткани, ковры и т. д.

Таким путем в Черкесию шли не только бокассины (т. е. простые ткани для рубашек), но и предметы роскоши — драгоценные ткани под названием *bocharamis*, ковры и пр. Например, 16 мая 1290 г. некий Джакомо Мурро получил от Гуилельмо Фатейнанте «в качестве вклада в товарищество 3134 аспров барикатских, хорошей и ходячей монетой Каффы, каковая сумма вложена в скамандр (род ткани), букаран и ковры...». Эти товары он обязуется везти в Локопу для обмена на рыбу.³

Помимо отмеченной господствующей формы меновой торговли на Западном Кавказе существовала еще ярмарочная, о чем упоминалось выше, при описании колонии Копы, где происходила ярмарка с конца апреля до 15 мая.⁴

О размерах итальянской торговли с Западным Кавказом судить трудно. Из одного заявления Гизольфи видно, что после захвата Матреги черкесами последние в числе добычи захватили барку из Каффы, идущую в Копарио и Батиар, ценностью в 50 тысяч аспров.⁵

Навигация по Черному морю была сопряжена с целым рядом затруднений. Главным из них было пиратство. *Officium Gazariae* — управление генуэзскими колониями на Черном море — в своем первом же постановлении от 26 ноября 1313 г. констатирует, что Черное море полно корсаров. Черкесское побережье считалось излюбленным пристанищем пиратов.⁶ Там была организована береговая охрана. В 1290 г. некий Vivaldo Lavaggio из Каффы вооружил галеру, находившуюся на службе у праского Аргун-хана. Галера охотилась за корсарами на черкесском берегу и отняла у одного из них в залпве Джубги товары, захваченные у греческих и армянских купцов.⁷ Венецианский посол в Персии Винченцо ди Алессандро в своем донесении от 25 июля 1572 г. из г. Конья рассказывает, что христиане-черкесы, прибыв на 24 кораблях, сожгли и разграбили за 300 миль отсюда все поселение побережья, разорили турецкие виноградники и перебили множество народа, а женщин увезли в плен, забрав все имущество и товары, вследствие чего опасаются, как бы они не пришли и в этот город (Конья). Из Трапезунда были спаряжены 6 вооруженных галер для защиты этой местности, с приказом от султана Селима не выходить из порта, но сторожить только город,

¹ Elie de la Primaude, 236; Bratianu. Recherches, 245.

² Bratianu. Recherches..., 238.

³ Actes des notaires..., 290.

⁴ Ibid., doc. №№ 290, 302, 303, 304, 305, 306 etc.

⁵ Atti, 7/1, doc. № 1015.

⁶ Bratianu. Recherches..., 246.

⁷ Ibid., 196, 257; Actes des notaires Génois..., 65.

так как боялись, что черкесы еще больше увеличат число своих кораблей. Посол добавляет: «А мне было велено держать путь на Грузию и Черкесию, но из боязни тех корсаров я повернул обратно».¹

Черкесские князья нередко сами принимали участие в разбойничих нападениях на генуэзцев.² Время от времени приходилось посыпать из Каффы военные суда для отражения корсаров. Чтобы как следует проучить черкесов, правительство Каффы временно воспретило в 1471 г. всем своим подданным ездить в Копу.³ По вопросу о корсарах велась большая переписка.⁴

Впрочем, не одни кавказские племена были повинны в разбоях. При случае и генуэзские корабли захватывали чужие грузы, в которых нуждались. В 1456 г., посланная из Генуи корабль на помощь голодающему населению колоний, протекторы в инструкции капитану пишут: «Если во время вашего плавания случится вам повстречать какое-либо судно, груженое хлебом, то приказываем вам его взять, хотя бы силою, и привести в Каффу. В случае, если это будут генуэзцы или дружественная нам нация, то дайте хозяевам корабля векселя от нашего имени, и мы уплатим что следует, по справедливости».⁵ Следовательно, если это была враждебная народность, хлебный груз просто конфисковался.

Такие условия, усугубленные еще отношением к итальянцам со стороны окружающих горских племен, делают вполне понятным, почему генуэзские колонии, особенно в XV в., приходилось укреплять (крепость в Матреге). Это считалось делом первостепенной важности. Статут Каффы ввел даже обязательное отчисление средств на укрепление стен в Тане со стороны Черкесии.⁶ Тем не менее торговля с Черкесней была настолько выгодной, что, несмотря на всевозможные препятствия, итальянские купцы стремились завязать с ней прочные спонсорства. В 1471 г. консул Philippo Chiavroia сообщил о «соглашениях, заключенных к великой выгоде наших (купцов) с местными князьями Зихии и Копы».⁷ «Весьма радуемся тому, что вы имеете вести от князя Зихии и что наши [купцы], надеясь на выгодное дело, отправились в Копу» — писали протекторы консулу в Каiffe 30 июля 1473 г.⁸ Жаждые до наживы генуэзские купцы зачастую шли на риск, так как, несмотря на заключаемые с местными князьями мирные договоры, параграф о «ненападении» соблюдался довольно плохо «коварными» зихами (getici), как их называют документы той эпохи.

¹ Berghe t. La repubblica di Venezia e la Persia, 165, doc. № 25.

² Atti, VII, f. 1, 717.

³ Heyd, II, 394—395.

⁴ Atti, VII, f. 1, 836.

⁵ Ibid., VI, 438.

⁶ Устав для генуэзских колоний 1449 г. («Записки Одесского об-ва истории и древностей», V, 808—809).

⁷ Atti, VII, f. 1, 711.

⁸ Ibid., f. 2, 51.

V. АДМИНИСТРАТИВНОЕ УСТРОЙСТВО ГЕНУЭЗСКИХ КОЛОНИЙ

На протяжении трех веков (XIII—XV) итальянские колонии Черного моря несколько раз меняли свою конституцию. Каффа имела уже к 1290 г. свой устав, определявший по существу внутреннюю организацию и устройство всех черноморских колоний, для которых Каффа являлась административным центром. Согласно этому уставу все консулы назначались генуэзским *podestat*; кроме того, воспрещалось чеканить монету и поддерживать какие-либо торговые и политические отношения с враждебными республиками.¹

В 1313 г. Генуя создала особую комиссию из 8 лиц для улучшения черноморских колоний — Таны, Каффи и пр. Члены этой комиссии вошли в состав вновь утвержденного магистрата под названием Officium Gazariae, т. е. управление Газарией (1334 г.). Магистрату были подведомственны не только Крым, южный берег России и кавказское побережье, но также южный берег Черного моря и Турция, т. е. это учреждение ведало всем Черноморьем. *Officium Gazariae* обнародовал ряд уставов.² В 1413 г. вместо него было создано другое учреждение, называвшееся *Officium Romaniae*.³ Эти ведомства ведали всей черноморской торговлей, и в их уставах нет ничего, специально относящегося к колониям Генуи на Западном Кавказе. Лишь в 1449 г., когда появился на свет знаменитый *Статут Каффи*, мы встречаем во второй его части целую главу (87), посвященную Копе, под названием: «О том, что должен делать консул Локопы».⁴

Из этого статута мы узнаем, что консул Копы не был ее постоянным жителем, а жил в Каффе; лишь весной, с началом рыболовного сезона, он отправлялся в Копу и оставался здесь до сентября. Прежде чем отправиться в Копу, он избирал в Каффе двух финансовых чиновников или казначеев, так называемых *massari*, из латинцев, и одного писца. Приехав в Копу, консул должен был избрать еще двух *massariev* из греков, составлявших большую часть населения Копы. Подобным же образом избирались советники консула «*Consiliarios*» — два латинца и один грек (§ 621).

Обязанности консула Копы и других чиновников, находившихся при нем, определяются в статуте во всех подробностях. Прежде всего консул, приехав в Копу, должен был собрать здесь всех купцов и затем явиться к местному владетельному князю, чтобы совместно с ним установить цену на рыбу на текущий сезон (§ 622). До установления официальной цены никто из купцов не имел права покупать рыбу под угрозой ее конфискации (§ 623). Консулам и *massarиям* поручалось также наблюдать за тем, чтобы никто не привозил в Копу соли в большем количестве, чем требовалось ему лично для засолки рыбы. В случае, если оказывалась лишняя соль, купец обязан был отвезти

¹ Bratianu. Recherches..., 222.

² Capale. Nuova istoria di Genova. Firenze, 1860, II, 431.

³ Ibid., 433.

⁴ Atti, VII, f. 2, 671—675; Устав генуэзских колоний. «Записки Одесского о-ва истории и древностей», V, 801—802.

ее обратно в Каффу или же бросить в море. За невыполнение этого постановления налагался штраф в размере от 100 до 200 аспров по усмотрению консула за каждую бочку соли (§ 625). В статуте имелась специальная глава о том, что никто не имеет права брать на откуп соль. На консула же возлагалась обязательность уплачивать князьям Зихии ежегодную дань, которая ежегодно вносилась генуэзцами в форме обязательных даров (*«exenīa»*).

Во избежание злоупотреблений, могущих при этом произойти, в статуте говорится: «Гакже постановляем, что когда названный консул должен будет отдавать дары князьям Зихии, то пусть созовет казначея и советников, которые должны осмотреть и отметить товары для этих князей, и следует им отмечать отдельно бокассины (куски ткани) длинные и короткие, а затем должны они эти отмеченные куски передать оценщикам, которые предварительно дали присягу хорошо и правильно назначать цены, согласуясь со справедливой ценой». Строго карались те, кто начинал торговлю до прибытия консула в Копу (§ 641), а равно занимавшиеся приготовлением икры и соленцем рыбы; § 643 прямо разрешал консулу конфисковать всю рыбу и икру, которые он найдет готовыми по прибытии в Копу. Эта строгая регламентация стесняла, конечно, инициативу купцов и предусматривала прежде всего интересы фиска.

В пользу консула поступали определенная уставом плата за рыбу и икру, за грузы с приходящих судов, за вывозимых из Копы невольников и, наконец, штрафы, налагаемые на жителей консулом за нарушение установленных правил торговли и промышленности. В 1460 г. в Коге была учреждена должность весовщика.¹ Из инструкций и приказов протекторов высшим сановникам Каффы от 3 февраля 1464 г. видно, что консулы и массарии «не имеют права... принимать приглашение на завтраки и обеды к кому бы то ни было..., не имеют права никого бранить или же оскорблять, исключая только не повинующихся и противящихся (закону), по отношению к которым (они) могут применять штрафы и телесные наказания, а также заключение в тюрьму и изгнание, в зависимости от тяжести преступления».² Таким образом, консулы не были облечены неограниченной судебной властью по отношению к соотечественникам. Из декрета 19 декабря 1473 г. видно, что мирянам разрешалось подавать на мирян же только в светский суд Генуи и округа.³ В инструкциях протекторов сановникам Каффы от 3 февраля 1464 г. предписывалось, чтобы епископы греческие и армянские не вмешивались в судебные процессы своих соотечественников или посторонних, исключая родственников и дел, касающихся духовного ведомства. В этой же инструкции запрещалось городским синдикам вмешиваться в дела, касающиеся греков, армян и евреев; их ведению подлежали только дела о латинских гражданах.⁴

¹ Atti, VII, f. 1, doc. №№ 518, 519.

² Ibid., 284, 961.

³ Ibid., f. 2, 60.

⁴ Ibid., f. 1, 285.

Такого рода постановления дают нам право заключить, что духовные власти не раз вмешивались в светские дела.

Отметим еще одну характерную черту — продажу консульских должностей. Из донесений консула и массариев Каффы банку Сан-Джорджио 16 и 18 мая 1471 г. видно, что консульство означенного Копарио было ими продано, но не за ту цену, что в прошлом году, потому что не предвиделось обычной выручки от судов, лавок и прочих доходных статей (по причине *devetum*,¹ наложенного на Копарио в том же году).

Обратимся теперь собственно к истории консульства и консулов Копы. Из документов известно, во-первых, что вместе с прочими генуэзскими колониями на Черном море колония Копа была передана в управление банку Сан-Джорджио в Генуе в 1453 г.² Что Копа действительно входила в число этих колоний, которые в указанном декрете о передаче в отдельности не перечисляются, а именуются «прочими владениями генуэзцев на Главном (т. е. Черном) море», видно из декрета протекторов от 27 ноября 1453 г.: в нем прямо говорится, что на основании этой передачи назначенный еще дожем на место консула Копы Батиста Танцио утверждается ими в этой должности (на двухлетие 1454—1455 гг.).³ Но, несмотря на это, все же мы не можем считать Танцио фактическим консулом Копы. Дело в том, что консулы Копы (и может быть других небольших колоний, как думает Vigna)⁴ пользовались особым правом посыпать вместо себя заместителя, «с удержанием,—говорит Vigna,—известной части жалованья». И даже из некоторых выражений документа можно вывести заключение, что, в свою очередь, этому заместителю дозволялось передавать свои обязанности третьему лицу.⁵ Об этом праве мы узнаем из письма протекторов консулу Каффы Домокульта⁶ от 29 января 1455 г., где они выражают свое недовольство по поводу недопущения к занятию консульской должности в Копе Габриэля Промонторио, «которому были даны им (т. е. Танцио) вместо себя грамоты (полномочия)...».

Не допущенный каффским правительством к занятию должности консула Копы Промонторио пожаловался своему патрону Танцио, а этот в свою очередь протекторам, которые расследовали дело и взыскали с незаконно занявшего консульскую должность все доходы, полученные им в Копе.

Консульская должность в Копе была, как можно видеть из документов, весьма выгодной: около нее кормились чуть ли не трое, если согласиться с тем, как толкует Vigna выражение документа *«in totum vel parte»*, т. е. что здесь подразумевается еще и третье лицо.

¹ Этим термином обозначалось в ту эпоху воспрещение иметь сношения с враждебной территорией.

² *Atti*, VI, 32, doc. № 4.

³ *Ibid.*, 54, doc. № 16.

⁴ *Ibid.*, 210.

⁵ *Ibid.*, 211.

⁶ *Ibid.*, 281.

Вот подлинный текст этого места: «Если же вы найдете, что упомянутый Габриель, или другой от его имени, истребовал право на все это консульство или же на часть его, то в таком случае пусть останется прибыль этому Габриэлю, и нас уведомьте, дабы названный Батиста не имел повода жаловаться».¹

Из документа, в котором излагается история замка Батиар,² видно, что Промонторио в конце концов получил свое консульство, так как в этом документе он упомянут дважды в качестве консула Копы.

О выгодности консульского места в Копе можно заключить также из того, что оно давалось в награду за особые заслуги перед государством. Так, в декрете от 19 августа 1454 г.³ читаем: «Посылаем в Каффу... с письмом и мандатами... Томазо Коломбано, гражданина генуэзского, сухим путем. Названного Коломбано в награду за его труды и в качестве возмещения за расходы, которые он понесет в этом путешествии, избираем и назначаем консулом в Локопу на один год»...

Впрочем непривычно, получил ли это место Коломбано и в котором году, так как история со ставленником Танцио Габриэлем Промонторио, о котором мы сейчас говорили, привела к тому, что Коломбано, приехавший в Каффу, нашел место консула Копы запятым. По этому поводу протекторы написали письмо от 29 января 1455 г., в котором предлагали властям Каффи принять меры к удовлетворению Коломбано, «чтобы названный Томазо не пострадал», назначив его временно на должность коменданта города Каффи (*capitaneus burgorum*), пока не освободится место консула в Копе.⁴

О других консалах Копы документы наши умалчивают. «Вероятно,— замечает по этому поводу Винья,— назначение консолов Копы производилось затем в Каффе, а не в Генуе». Такого же мнения придерживается Ковалевский, который в своей статье «О юридическом быте генуэзских колоний на Черном море во второй половине XV в.» (см. сборник, посвященный М. Ф. Владимировскому-Буданову, Киев, 1904 г.) говорит следующее: «Не во всех колониях на Черном море проведено было в равной мере участие населения в администрации. В Тане на должность массарцев попадают лица по выбору консула, и то же, повидимому, имело место в Копе» (стр. 201).

Из других «хлебных» должностей Копы назовем еще должность весовщика, которая также давалась в виде награды. Это видно из документа *Atti № 518* от 29 апреля 1460 г., в котором протекторы назначают своего курьера Джерардо Пинелли «в качестве вознаграждения за его труды и издержки» на два года весовщиком Копарио (*pondaris Coparii*), «с дозволением, что он может избрать кого-либо вместо себя, способного выполнять эти обязанности».⁵

¹ *Atti*, VI, 281.

² *Ibid.*, 356, doc. № 150.

³ *Ibid.*, doc. № 25.

⁴ *Ibid.*, 281.

⁵ *Ibid.*, VII, f. 1, 71.

VI. ХАРАКТЕР ГЕНУЭЗСКИХ КОЛОНИЙ НА ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ

Перейдем к выяснению характера генуэзских колоний на Западном Кавказе.

«В этих конторах, расположенных на окраинах Византийского государства или Монгольской империи, — говорит Братиану, — в этих кварталах, которые теснятся вокруг loggia и fondouk, экономическая жизнь развивается под исключительным режимом денежного контракта; она, кажется, почти совсем лищена многочисленных уз, связывающих человека с сеньором и серва с доменом».¹ «Это не земельческие колонии, — говорит M. Gino Arias, — но настоящие торговые колонии».²

«В колониях конца XIII века, — говорит Братиану, — существовал режим договора о заработной плате... В этих отдаленных конторах нет ни сеньеров, ни вассалов, между тем как рядом в Европе это время было расцветом феодальной системы; лишенная многочисленных уз традиции, колониальная жизнь развивается свободно и дает людским взаимоотношениям почти современный облик. Это относится к городским и торговым колониям на Черном и Эгейском морях. В Сирии было иначе».³

Несмотря на очевидную, судя по данному отрывку, идеализацию профессором Братиану колониального режима, следует заметить, что общий характер черноморских колоний — их торговое значение — он подметил верно.

По замечанию того же автора, местоположение черноморских колоний «было слишком ограничено в конце XIII века, чтобы позволить купцам, которые проводили несколько месяцев по своим делам, другой вид эксплоатации. Генуэзцы не имели еще в то время ни крепости в Пера, ни территориальных приобретений в Крыму».⁴

Насколько правы ученые, утверждающие, что черноморские колонии не имели аграрного значения? В начале итальянского проникновения в Черное море колонии представляли из себя лишь группу домов и складов. Хлеб генуэзцы принуждены были покупать у туземцев.⁵ «Владения генуэзцев, — говорит Винья, — не распространялись далее городской черты..., за которой начинались области, возделываемые туземцами, а небольшая территория, предоставленная ими для этой цели колонистам, была по большей части расположена в гористой и неплодородной местности»⁶.

Такое положение продолжалось вплоть до падения колоний. Это ясно видно из документов, которые говорят нам о полной зависи-

¹ Bratianu. Recherches..., 291.

² Il sistema della costituzione economica e sociale italiana dell'età dei communi. Torino — Roma, 1905, 292—293.

³ Bratianu. Actes des notaires..., 43.

⁴ Bratianu. Recherches..., 292.

⁵ Ibid., 248.

⁶ Atti, VI, 217.

мости итальянцев от туземцев в отношении снабжения хлебом. Прекращение подвоза хлеба, как мы видели в предыдущих главах, вызывало голод в колониях.¹ В последние периоды существования колоний вокруг некоторых из них возникали земледельческие поселения. Однако они не имели большого экономического значения и не изменили общего типа колоний, имевших чисто торговый характер. Мы не будем останавливаться на этом типе колоний, к числу которых относятся Каффа, Тана, Солдайя, Чембало и другие крупные колонии Черноморья. В административном отношении они были подчинены консулам и другим чиновникам, назначенным генуэзским правительством. В главе об административном устройстве мы подробно останавливались на этом вопросе.

Однако необходимо отметить, что в районе Причерноморья, наряду с указанным господствующим типом колоний, существовали еще полусамостоятельные феодальные княжества, хотя и подчиненные каффскому правительству, но пользующиеся рядом привилегий. На этом вопросе нам необходимо подробно остановиться, так как этот тип колоний как раз встречается на территории Западного Кавказа.

Прямых указаний на феодальные отношения в колониях мы не имеем. Но можно предполагать, что феодальные или, вернее, полуфеодальные княжества существовали еще к концу XV в. в Матреге, которая была феодом знатной генуэзской фамилии Гизольфи, в Батпаре или Бате, принадлежавшей генуэзской же фамилии Марини, в Копе, подчиненной черкесскому князю и генуэзскому консулу, и в Воспоре (Керчь) в XIV в. Канале высказывает предположение, что и Каффа в первое время своего существования в качестве генуэзской колонии была также феодом, принадлежавшим фамилии *dell'Orto*;² в доказательство этого он приводит два послания папы от 1340 г., в которых глава этой фамилии, Петранус дель Орто, назван «*olim dominus de Capha*». Того же мнения держится и Брун.³ Не подлежит сомнению, что дель Орто, в качестве первых колонистов Кафы (по свидетельству летописца Генуи *Giustiniani*, первым колонистом Кафы был Антонио дель Орто),⁴ пользовались особыми преимуществами и привилегиями. Так, например, из самых ранних уставов колоний, и даже более позднего от 1318 г., мы узнаем об исключительной привилегии потомков дель Орто взимать налог с торговых оборотов Кафы.⁵

Впрочем, Хейд этого мнения не разделяет, по крайней мере по отношению к Петранусу дель Орто, признавая, однако, что в более раннюю эпоху, т. е. при отце и деде Петрануса, такое положение вещей существовать могло.⁶ Мелкие окрестные черкесские и татарские

¹ «Урожая, собранного в Кампанию (окрестности Кафы), — говорится в одном документе, — недостаточно даже для посева, и мы его почти уже поели. А на Зихию, так же как и на Турцию, нам нечего даже и надеяться» (*Atti*, VI, 368, письмо от 6/IX 1455 г.).

² *Canale. Della Crimea...*, I, 153.

³ *Notices sur les colonies italiennes...*, 32.

⁴ *Heyd*, I, 165.

⁵ *Canale. Della Crimea*, I..., 152 etc.

⁶ *Heyd. Histoire du commerce...*, II, 165.

князьки, которых документы называют «*baroni*», очевидно, являлись вассалами по отношению к перечисленным князьям; последние же в свою очередь зависели от Каффи, которой должны были платить ежегодную дань. Метрополия (Каффи) помогала им за это в затруднительных случаях. Винья называет князя Матреги де Гизольфи *feudatario* — феодалом.¹ В Батиаре, где правила генуэзская фамилия Марини, жители платили дань Каффе.² В отсутствие Марини в 1455 г. его замок был захвачен поставленным им комендантом Бозио.³ Каффи помогла ему вернуть Батиар, снарядив с этой целью несколько галер с отрядом солдат, причем поставила предварительным условием поручительство за оказанный кредит (16 тыс. аспров) консула Копарио: Но злосчастному Марини не повезло и тут: экипаж одного из судов внезапно взбунтовался и, овладев оружием и имуществом судохозяина и своего начальника, высадил их обоих на берег; мятежники пытались склонить на свою сторону экипаж другого корабля, в чем, однако, потерпели неудачу. Узнав об этом, испуганные каффинцы снарядили против мятежников еще два судна, по тем удалось благополучно достигнуть Трапезунда. Дальнейших известий о них мы не имеем, а Марини в конце концов получил свой замок обратно, заплатив за это дорогой ценой.

Копа, генуэзская колония на р. Кубани, находилась, повидимому, в двойной зависимости: она была подчинена местному князю и одновременно генуэзскому консулу. Когда князь Копы начал там постройку крепости, это вызвало сильное недовольство протекторов, и каффскому правительству было дано распоряжение немедленно уничтожить крепость, войдя в тайные переговоры с другими черкесскими князьями. По мнению Винья, можно допустить «существование известной зависимости, быть может ежегодной дани, князька Копы от правительства Каффи, и тайное возведение им своего маленького форта было, вероятно, предпринято с целью завоевать себе абсолютную свободу».⁴ Как бы то ни было, но Копа отличается по своему административному устройству от других колоний, вроде Таны, Каффи и др. Последние находились в полной зависимости от генуэзских властей, а Копа была чем-то вроде полуфеодального владения.

По словам Десимони, «что касается... пролива, разделяющего Черное и Азовское моря, то республика Генуя, не удовлетворяясь одной возможностью пользоваться им, желала получить его в свое полное владение. Так, князья Анапы (*di Anapa, le Mara или Maragio*) и князья полуострова Таманского субсидировались ежегодной суммой от Генуи, во-первых, для общей защиты и, во-вторых, из политических видов, с целью держать их в зависимости».⁵

Из одного заявления Гизольфи (№ 5) видно, что его предшественники получали обычно из каффского казначейства 50 сомми в год.

¹ Atti, VII, f. 1, 522; VII, f. 2, 976.

² Bratianu. Recherches..., 243.

³ Atti, VI, 356—357, doc. № 150.

⁴ Ibid., VII, f. 2, 963.

⁵ Nuovi studi sull'Atlante Luxoro, 1868; Atti, V, 186.

В другом документе от 1465 г. упоминается о 10 000 аспров, истраченных на субсидию Матреге.¹ Повидимому и Мапа — Анапа, генуэзская колония в Черкесии, также находилась в двойной зависимости и носила полуфеодальный характер.

Перейдем теперь к колонии Матрега, о которой до нас дошло больше всего материала. Описание этой колонии было дано выше. Матрега досталась Симону де Гизольфи (члену известной генуэзской фамилии) в 1419 г., благодаря браку его сына Винченцо с дочерью и наследницей черкесского князя Берозоха; ее звали Биха-ханум (Bichacanon), и она была, очевидно, матерью Заккария де Гизольфи (письмо Десимони к Бруну, где он ссылается на один неизвестный нам документ 1448 г.).²

В 1424 г. Симон де Гизольфи при посредстве своего брата Иоанна заключил договор с генуэзцами, благодаря чему несколько раз получал помощь оружием и деньгами для защиты Матреги.³ «По смерти этого «*olim dominus Matrese*» (бывшего правителя Матреги) опекуны его племянников поднесли консулу Кафы живого сокола в знак личной зависимости».⁴ От деда, не без вмешательства соседей, это владение перешло к Заккарию де Гизольфи.⁵ Относительно национальности Заккария де Гизольфи существуют два противоположных мнения. Брун одно время считал его евреем на том основании, что некий еврей по имени Захарий Гайл-Гурсис обратился к московскому царю Ивану III с письмом из Копы (8 июня 1487 г.), в котором просил разрешить ему въезд в Россию после захвата Матреги турками. В 1488 г. (18 марта) великий князь ответил ему, называя его Захарием, князем Тамани, после того как в письме от октября предыдущего года назвал его Захарием евреином.⁶ Вообще лицо, фигурирующее в указанной выше переписке, носит различные наименования: «жидович, евреин Захарья Скарья»,⁷ «черкасин»,⁸ «фрязин, живший в Черкасах».⁹ Малиновский уже в 1793 г. предположил, что Захарий Схара и князь Захарий Гайл-Гурсис — два различных лица.¹⁰ Брун в ука-

¹ Atti, VII, f. 1, 369.

² Брун. Черноморье, II, 234. Хейд в своей ранней работе (*Les colon. ital.*, II, 17) ошибочно считал, что Симон де Гизольфи был консулом. Брун истолковывал слово «signore de Matrega» как «князь Матреги», что подтверждается договором, заключенным с Генуей в 1424 г. (Брун. О поселениях итальянских в Газарии... в «Трудах I Археологического съезда в Москве», 1869, II, 386).

³ Atti, V, 260.

⁴ Desimoni. *Nuovi studi sull'Atlante Luxoro*, 1869, см. Брун. О поселениях итальянских в Газарии («Труды I Археол. съезда», II, 386).

⁵ Atti, V, 186.

⁶ Вгии. *Notices...*, 33—34; Г. Ф. Карпов. Памятники дипломатических сношений Московского государства с крымскою и ногайскою ордами и с Турцией. Сборник Русского исторического об-ва, I, гл. XLI, 76—77 и др.

⁷ Сборник Русского исторического об-ва, XLI, 71.

⁸ Там же, 114.

⁹ Там же, 309.

¹⁰ Малиновский. Историческое и дипломатическое собрание дел, происходивших между российскими великими князьями и бывшими в Крыму татарскими царями с 1462 по 1533 гг. «Записки Одесского о-ва истории и древностей», V, 203.

евр.

занном выше сочинении считает Захария евреем, княжившим в Тамани. и указывает на наличие еврейского населения в тех местах задолго до обращения хазар в иудейство.¹ Десимони совершенно ясно доказал, что Гизольфи был христианином (см. письмо протекторам банка Сан-Джорджио от 1482 г.).² «Едва ли можно допустить, — говорит Брун в своей более поздней работе, — чтобы он отрекся от веры своих предков с тем, чтобы принять учение талмудистов или караимов...». «Ясно, что кроме имени еврей Схария не имел ничего общего с таманским князем Заккарием, так как названный Схария был казнен вместе с защитниками свободы Новгорода в 1477 или 1491 году, а Заккария в том же 1491 году... еще откладывал свой переезд в Россию, потому что Менгли-Гирей не хотел дать ему проводников, опасаясь султанского гнева». «Итак остается только допустить, — заключает Брун, — что слово «евреянин» по ошибке писца попало в первое письмо Ивана Васильевича вместо «иверянин», т. е. грузин, каким великий князь московский мог считать Заккария, так как цари грузино-абхазские с давних времен считались, если не де-факто, то де-юре, верховными владетелями всех земель по обеим сторонам Кавказа, не исключая полуострова Таманского».³ Огородников в своей обстоятельной статье⁴ подробно останавливается на этом вопросе. Он объясняет название Гайл-Гурсиса «евреянином» не ошибкой великокняжеского писца, как думает Брун, поскольку эта ошибка повторяется в двух грамотах, писанных через три года одна после другой. Огородников присоединяется к предположению, что Захарий Гизольфи и Захарий Гайл-Гурсис — два совершенно различных лица. Разбирая все сохранившиеся по этому вопросу свидетельства, он отмечает, что Гизольфи после занятия Матреги турками отправился в Геную, а Гайл-Гурсис хотел отправиться в Московское государство.⁵

В своем письме от 12 августа 1482 г.,⁶ т. е. спустя 7 лет после падения генуэзских колоний Черноморья, Заккария опять власт путешествие, которое он предпринял, спасаясь от преследования турок, но не довел до конца, так как ограбленный до нитки молдавским господарем Стефаном Воеводою он принужден был вернуться в окрестности своего бывшего замка. Из этого интересного документа мы узнаем и другие важные подробности как о самом Заккарии, так и о судьбе некоторых итальянских колонистов, а также черкесских князей, живших в окрестностях Матреги и Копы и изгнанных оттуда турками.⁷

В 1487 г. царский посол Шеин отправился в Крым и среди других поручений должен был передать Гайл-Гурсису грамоту с разрешением

¹ Сборник Русского исторического о-ва, XLI, 33—34.

² Atti, IV, 257—258.

³ Библиографическая заметка Бруна. «Записки Одесского о-ва истории и древностей», VIII, 291.

⁴ Огородников. Иван III и зарубежные евреи. Сборник статей в честь Д. А. Корсакова. Казань, 1912/13 гг.

⁵ Там же, 64—67 и др.

⁶ Atti, IV, 257—258.

⁷ См. письмо Гизольфи к протекторам банка после взятия Матреги турками (Attī, IV, 257—258).

на въезд в Россию. Шеин неоднократно беседовал с Гайл-Гурсисом на религиозные темы. В результате, спустя несколько лет (1496 г.), некий инок Савва написал Шеину полемическое послание «на жидов и на еретики», сбликая Шеина в том, что он говорил с тем «жидовищом с Захариею с Скарою». По мнению Огородникова, послание Саввы устраивает всякое сомнение, что еврей Гайл-Гурсис и матрегский князь Гизольфи — совершенно разные лица. Захарий Гайл-Гурсис был богат и вел обширные торговые дела в Каффе, особенно в Матреге. Богатство и влиятельное положение могли дать повод современникам присвоить ему почетное прозвище «князя таманского».¹

В статуте Кафры 1449 г. Матрега упоминается лишь один раз, причем отмечается, что ее жители не освобождаются от повинностей и налогов.²

Заккария де Гизольфи вел самостоятельную экономическую политику и стремился к возможно большей независимости от Кафры. Из сохранившихся заявлений Заккария видно, что он требовал себе ряд льгот — например, свободу от пошлин на вино, ввозимое из Кафры в Матрегу, — причем ссылался на своих предшественников, при которых изъятию от пошлин подлежало 75 бочек вина. Это было разрешено протекторами банка Сан-Джорджио в 1472 г. сроком на 10 лет.³ Затем Гизольфи требовал приравнять Матрегу в отношении 11%-ной винной пошлины к другим городам (Мапарио, Тана, Чембало), не платившим этого обложения. Заккария просил также не брать пошлину с транзитных грузов вина, проходивших через Каффу в Матрегу. Особенно ярко впдана самостоятельная экономическая политика Гизольфи из факта самовольного введения проездной пошлины и построения крепости. «Какой-то предприниматель, гражданин Кафры, — говорит Вилья, — построил ему с разрешения консула крепостной замок на самом выгодном месте его маленького государства, а Заккария тотчас же устроил там нечто вроде таможенной заставы, принуждая всех прохожих мореплавателей, не исключая генуэзцев, платить ему не то проездную пошлину, не то дань и все это без ведома обоих магистров, Генуи и Кафры».⁴ Узнав об этом, протекторы банка Сан-Джорджио писали консулам и массариям Кафры 19 июля 1468 г., «что упомянутый Заккария по закону не имел права учинять той новой пошлины», и поручили им тотчас же отменить и аннулировать эту пошлину и, кроме того, возместить убытки всем, с кого она была незаконно взыскана.⁵

Вообще, правительство Кафры было крайне недовольно сепаратистской политикой Гизольфи и безусловно расправилось бы с ним, если бы не сложные политические обстоятельства пакануне падения генуэзских колоний.

Из двух дошедших до нас документов мы можем судить об этой политике Гизольфи, хотя в одном из них говорится только о гену-

¹ Огородников. Иван III и зарубежные евреи, 64—67 и др.

² Atti, VII, f. 2, 637.

³ Ibid., f. 1, 848.

⁴ Ibid., 514.

⁵ Ibid., 550.

эззе Джакомо Гримальди. Но этот последний, вероятно, являлся наперсником Гизольфи, поскольку нам известно, что знаменитые «richieste» — заявления Гизольфи — предъявлялись в магистратуру Генуи через посредство этого же Гримальди. Упомянутый генуэзец сильно скомпрометировал себя в глазах генуэзских правителей, вмешавшись в распри крымских ханов после смерти Хаджи-Гирея. Как видно из документа, Гримальди пытался завязать тайные сношения со свергнутым ханом Наурдаулетом, предлагая ему в письме отправиться в Матрегу, где он может собрать своих приверженцев. Это письмо было перехвачено и представлено хану Ментли-Гирею, который, уведомляя каффинцев о произшедшем, тем не менее просил не карать виновника. Но протекторы, которым был сделан донос об этом неизвестными нам лицами, не могли и не желали простить подобного преступления. В своем письме от 7 ноября 1468 г.¹ они выражают свое негодование по этому поводу и приказывают консулу Каффи немедленно покарать изменника Гримальди, осудив его на вечное изгнание из пределов итальянских колоний. Кроме того в особой приписке они предлагают принять все меры к тому, чтобы «упомянутый Джакомо не мог отправиться в Матрегу или другое место, где он может замыслить что-либо дурное» (*mali machinari posset*).²

Прямых указаний на участие Гизольфи в описанной авантюре не имеется, но в одном из своих заявлений он требует, чтобы его не числили должником «за снаряжение галеры, которая была вооружена против него с величайшей несправедливостью и коварством, так как снаряжение означенной галеры было сделано помимо всякого требования со стороны государя хана и скорее стараниями его соперников...».³

Из этого мы можем сделать вывод, что правительство Каффи считало Заккария ответственным за произшедшее.

Гизольфи был постоянным должником Генуи. Центральные власти давали неоднократные распоряжения о взыскании с него долгов: «Постарайтесь получить с него, сколько возможно будет, но при этом действуйте с умеренностью, какую подскажет вам благородумие, сообразуясь с положением вещей и условиями времени».⁴ Такие распоряжения сыпались со всех сторон. Гизольфи вел крайне двойственную политику: у всех соседей вымогал помощь ввиду непрочности своей власти и, получив ее, начинал ссоры с друзьями и недругами, стремясь всеми способами удержать власть.⁵

Интересно остановиться на вопросе о взаимоотношениях Заккария де Гизольфи с туземным населением. В одном заявлении Заккария просит изменить устав Каффи (§ 393), по которому князь Матреги должен отправлять в Каффу на усмотрение консула всех должников по настоящию их кредиторов. Этого «он делать никоим образом не может по причине близкого соседства князей и племен черкесских.

¹ Atti, VII, f. 1, 561.

² Ibid., 564.

³ Ibid., doc. № 1015.

⁴ Ibid. f. 1, 550, 733 и др.

⁵ Комментарии Винья. Atti, VII, 514.

Что касается изгнания таких должников, то он согласен это делать, поскольку есть такое обязательство в договоре, заключенном ранее владетелем замка Матреги с Генуей». Протекторы согласились на просьбу Гизольфи при условии, что он не будет принимать у себя должников.¹ Здесь упомянут случай с должником Генуи, князем Костомохом, которого предшественник Заккария, Симон де Гизольфи, не мог отправить с его людьми в Каффу, как это требовалось в предписании, поскольку он являлся его данником и подданным и княжество свое получил от покойного князя Джамбека, отца вышеупомянутого князя Костомоха.² За невыполнение этого распоряжения Симон де Гизольфи «был заочно и несправедливо осужден». «И чтобы еще было понятней (его требование), — говорит Заккария де Гизольфи, — возможно ли было самому Заккарию отправить (в Каффу)... сына Костомоха, князя Кадибельди и людей его, когда он в Матреге находился?»³

Далее следует прямое указание на взаимоотношения Каффы и Матреги, т. е. Заккария просит освободить его от уплаты жалованья солдатам, «посланным в Матрегу для ее защиты и поддержки после того, как князь Кадибельди занял и возвратил ему замок», ссылаясь на то, что «Каффа всегда и в прежние времена оказывала помощь Матреге и другим замкам, имеющим какое-либо значение, для своей же пользы, ибо она является главою этих мест (т. е. колоний Черноморья).»⁴

Таким образом, ясно, что Гизольфи находились в двойной зависимости: с одной стороны и главным образом, от каффского правительства, с другой стороны — от окружающих черкесских князей.

Воспоро (нынешняя Керчь) была около 1330 г. богатым городом. «Владетелем Керчи, — говорит Брун, — был тогда эпхский князь Миллен, усердный приверженец католицизма», находившийся под верховным владычеством монголов. В XV в. в Воспоро утвердились генуэзцы (последний их консул в 1455 г. был некто Франческо де Фиесхи).⁵ Следовательно, до водворения генуэзцев в XIV в. Воспоро был княжеством полуфеодального типа; в нем без сомнения уже проживали итальянские купцы (судя по назначению туда уже в 1332 г. архиепископа Франциска из Камерино) и оно находилось, вероятно, в той или иной степени зависимости от Генуи.⁶

Из приведенных материалов видно, что Матрега, Копа, Мапа, Батарио и некоторые другие места Черкесии и Крыма были особым типом колоний. С одной стороны, они являлись феодальным или, вернее, полуфеодальным владением какого-нибудь местного или генуэзского князя, стремившегося к самостоятельности, как это ясно видно из политики Заккария де Гизольфи; с другой — они подчи-

¹ Atti, VII, f. 1, 844.

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ Ibid.

⁵ Брун. Черноморье, II. («Записки Новороссийского ун-та», XXX, 323—324).

⁶ Там же, 323.

нялись на правах колоний генуэзскому центру в Черноморье — Каффе. Последняя старалась лишить их автономности, но по политическим обстоятельствам должна была до некоторой степени считаться с сепаратистскими тенденциями местных правителей. Зависимость от Каффы выражалась в назначении ею своих консулов в такие места как Копа, Себастополис и др.; в податях, собираемых па метрополию; в прочих пунктах «Устава» 1449 г., который распространялся на все колонии Причерноморья; наконец, в военной помощи, которую оказывала Каффа отдельным колониям в случае захвата их туземными князьями. Такие случаи, как мы увидим дальше, имели место в Батиаре и в Матреге. Зависимость от местных князей выражалась, повидимому, в сборе дани в пользу их и, вероятно, этим и ограничивалась. Как отмечено выше, такой полуфеодальный тип колоний не являлся господствующим в Причерноморье. Их появление и наличие объясняется, вероятно, ослаблением центральной власти в Каффе в XV в., под влиянием турецких успехов на Черном море.

VII. МЕТОДЫ КОЛОНИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ГЕНУИ

Буржуазные историки постарались умолчать о системе колониального угнетения и методах колониальной политики. В лучшем случае у них разбросаны небольшие заметки о «бунтах» и «беспорядках» в колониях — таковы обычные термины для замазывания классовой борьбы.

Братиану, крупнейший специалист по Черноморью, в своей недавно изданной ценной работе так определяет «скромные» задачи генуэзской колониальной политики на Черном море: «Колониальная политика Генуи никогда не преследовала в эту эпоху ничего, кроме экономических преимуществ; община не искала в левантийских странах в XIII веке ни завоеваний, ни территориальных апексий. Но чтобы обеспечить монополию торговли и плавания, необходимо было учредить опорные пункты, конторы для купцов и морские пристанища для судов; надо было восстановить дело греческих мореплавателей древности и возобновить цветущую нить колоний, окаймлявших прежде мифическую Скифию».¹

Буржуазные писатели охотно расписывают «дикость» народов, живших вокруг Черного моря, и «необходимость» защитить от них генуэзские колонии. Так, описывая Копу, расположенную на территории прикубанских черкесов, Хейд заявляет, что «к сожалению, она была окружена черкесскими племенами, всегда готовыми нападать и грабить торговые суда; время от времени приходилось послать из Каффы военные суда, чтобы отражать их».²

Из донесения консула и массариев Каффы банку Сан-Джорджио о делах колоний от 16 и 18 мая 1471 г. мы узнаем: «Что же касается больших убытков и опасностей, которыми здешние ежегодно угрожают

¹ G. Bratiānu. Recherches... Paris, 1929, 197.

² Heyd, II, 394.

нашим купцам и гражданам в Копарпо, постановлено было пами в этом году воспретить туда доступ кому бы то ни было до тех пор, пока удастся вступить с теми зихами в какое-либо соглашение. Думаем, что в этом году намерение наше легко будет исполнить, так как те зихи не имеют соли, без чего рыбу свою долго сохранять не смогут».¹

Средство достигло цели: черкесы, покупавшие соль у генуэзцев, вступили в соглашение с посланным для мирных переговоров Кавалино Кавалло. «Ему удалось устроить все по нашему желанию и заключить условие с князем Биберди² и Петрезоком, князем Зихи, а также Бельзебоком, князем Копарио, и его супругой», — доносит далее тот же консул. В связи с этим § 623 статута Каффы 1449 г. предписывает консулу и массариям наблюдать, чтобы «никто не привозил в Копу соли более, чем требуется ему для засолки рыбы, и в случае, если окажется лишняя соль, то купец обязан ее отвезти обратно в Каффу или же бросить в море». При невыполнении этого за каждую бочку соли взимался штраф от 100 до 200 аспров, по усмотрению консула. В том же статуте имеется специальная глава: «О том, что никто не имеет права брать на откуп соль».³

Разумеется, генуэзские колонизаторы великодолепно учитывали тогдашнюю ситуацию. В XV в., от которого до нас дошли консульские доклады, им приходилось вести осторожную политику. Феодальная Турция, постепенно продвигавшаяся на запад и захватившая в 1453 г. Константинополь, стесняла действия итальянцев и грозила уничтожить их колонии. При таких обстоятельствах, желая сохранить свои доходы, извлекаемые от черноморских колоний, генуэзцы должны были вести «примирительную» политику. В письмах протекторов и консулов беспрестанно встречаются советы и прямые предписания «сохранять дружественные отношения с соседними государствами».⁴

По поводу заключения договора с князем Копы протекторы пишут консулу Каффы (15 декабря 1472 г.): «Мир, заключенный вами с князем Копы Парсабоком, на условиях, вами описанных, считаем полезным... Всего более достойно похвалы то, что вы стараетесь со всеми властями и народами того моря жить в дружбе и избегать

¹ Atti, VII, f. 1, 784.

² По мнению Desimoni (*Nuovi studi sull'Atlante Luxoro* — в Atti, V, 184), «не следует подавливать под князем Биберди (Biberdi) наших документов современной Baberd или Байбурт (Baiburt), так как знаем о существовании средневекового Биберди — это имя князя страны, лежащей между Кубанью и Азовом». Между прочим о Биберди, владельце области Кремух, упоминает путешественник Барбаро, прибывший туда на 3-й или 4-й день по выезде из Таны, следя по берегу моря. «Мы знаем..., — говорит Фелицын, — что представители фамилии Биберди (Биберкт) существуют в Кубанской области и в настоящее время, проживают в ауле своего имени в Баталпашинском отделе, на реке Малом Зеленчуке...». «Загадочная область Кремух находилась между Сочи и Вардане». (Е. Д. Фелицын. Некоторые сведения о средневековых генуэзских поселениях в Крыму и Кубанской области. Кубанский сборник, V, 17, 18).

³ Atti, VII, 2, Statuto di Caffa.

⁴ Ibid., 31, Vigna.

случаев столкновения. И подобным же образом довольны мы тем, что вы писали нам о надеждах на прочный мир с Бендиано, князем Себастиополис».¹ «Не менее досадно нам, — пишут протекторы консулу, — было узнать о раздорах ваших с зихами (черкесами) и что они взяли в плен наших граждан и ограбили».²

Подобного рода документы встречаются очень часто. О причинах такой «миролюбивости» итальянских конкистадоров говорят сами документы. В инструкции консулам на 1458 г. написано: «Как известно, на Черном море четверо владык, а именно: император татарский, император трапезундский, князь Тедоро (Манкупа) с братьями и князь или община Монкастро (Аккерман), поданные которых ведут обширную (прибыльную) торговлю с жителями Кафы и остальными народами, входящими в состав наших владений (на Черном море). По этой причине будьте с ними в хороших отношениях. Мы желаем и поручаем вам, чтобы всеми способами и средствами старались вы жить в мире со всеми ними, избегая всячески несогласия и поводов к столкновениям».³ Однако, когда позволяли политические обстоятельства, генуэзские колонизаторы показывали свои когти. Из приказов и инструкций протекторов консулу Кафы от 21 января 1471 г. мы узнаем: «Одобряем снаряжение вами фусты (военный корабль) для защиты наших мореплавателей в Копарио».⁴ Генуэзские власти старались перевести расходы по снаряжению этих военных судов за счет местных средств. «Сообразуясь с обстоятельствами, — говорится в том же документе, — вы все расходы или же часть их старайтесь возместить из груза товаров... в тех местностях, которым приносит пользу это снаряжение. И таким образом вы достигнете того, что будет у них защита; да и казна, столь обремененная издержками, не будет отягощена новым бременем».

Генуэзские конкистадоры пользовались и другими приемами. В одном из писем консулам Кафы от 4 марта 1475 г. говорится, что они узнали о крайне неприятном обстоятельстве — постройке местным князем крепости в Копарио, «вопреки установленным правилам, и о том, что консулы Кафы допустили вывезти оттуда и в ту местность доставить известь, камень и прочие материалы, требуемые для постройки». По мнению лиц, знакомых с положением вещей, в интересах Генуи необходимо разрушить эту крепость. Поэтому предписывалось «сосредоточить все помышления» на достижении этой цели. «Но действуйте, однако, осторожно и втайне, чтобы не проводали о стараниях ваших...». Далее предлагалось «войти в соглашение с князем Биберди и другими соседями князя Копарио или с одним из них. Это, быть может, приведет вас к цели».⁵ Предписывалось немедленно начать следствие против виновных в доставке материалов из Кафы. Должны были быть привлечены к ответственности те,

¹ Atti, VII, f. 1, 883.

² Ibid., 836.

³ Ibid., VI, 815.

⁴ Ibid., VII, f. 1, 731.

⁵ Ibid., f. 2, 211—212.

кто предоставил суда для перевозки материалов в Копу, и даже те, кто находился там в отсутствие консула. По мнению Вилья, можно предполагать «о существовании известной зависимости, быть может ежегодной дани, со стороны князька Копы от правительства Кафы; и тайное возведение им своего маленьского форта было, вероятно, предпринято с целью завоевать себе абсолютную свободу».¹

Вследствие падения Копы в том же 1475 г. намерение генуэзских властей не было приведено в исполнение. Из этого интересного документа видно, что в нужных случаях генуэзцы шли на прямое натравливание одних князей против других, сопровождавшееся, разумеется, подкупом. На это последнее обстоятельство имеется прямое указание одного документа: «Мы очень довольны тем, что так хорошо уладилось дело с Бендиано, князем Мигрэлии.² Но если были у вас какие-нибудь расходы, то приказываем вам все сразу либо по частям разложить между купцами, которые будут торговать на его территории. Казепных же сумм отнюдь не касайтесь, под страхом личной ответственности».³

Особенно ярко может быть иллюстрировано вмешательство генуэзцев во внутренние дела местного населения на примере крымских татар. Консул Оберто Скварчикафика пишет банку Сан-Джорджо 10 февраля 1475 г. о том, что Эминех, татарский правитель сельского округа Кампаньи в окрестностях Кафы, «с турецким султаном вместе против нас что-то затевает». Об этом стало известно благодаря послу, отозвавшему дань в Константинополь, и другим приехавшим оттуда лицам. «Посоветовавшись с ¹ ужественным нам императором (татарским ханом Менгли-Гиреем), — продолжает консул, — мы отправили послов в Великую Орду за Зейтаком, сыном прежнего хана Мамака, надеясь этим совершенно погубить Эминеха». По прибытии Зейтака генуэзцы заключили с ним и Менгли-Гиреем союз против Эминеха, «пашего вероломного недруга». Тогда последнему пришлось бежать.⁴ Из других донесений видно, что Эминех отправил своих послов в Константинополь, «и мы, услыхав о приготовлении Великой Армады, находились в сильном страхе. Однако же, от (крымского) хана мы все это скрыли, чтобы не показать ему, что мы боимся, но все время уговаривали его, что следует низложить вышеупомянутого Эминеха, убеждая его (Менгли-Гирея), что тот не по праву является правителем. И он вошел с нами в соглашение, и следствием было то, что правителем провозглашен был Зейтак, сын Мамака, прежнего правителя Кампаньи». Низложенный Эминех бежал по направлению к Тане или в Черкесию.⁵

¹ Atti, VII, f. 2, 963.

² По словам путешественника Барбаро, Бендиано был князем Себастополиса (Atti, V, 184).

³ Atti, VII, f. 1, 357 — распоряжения и приказы консулу и массариям Кафы от 1 декабря 1465 г.

⁴ Ibid., f. 2, 195.

⁵ Ibid., 202.

Какие же причины побуждали генуэзцев вмешиваться во внутренние дела татар? С одной стороны, как мы видели из приведенных текстов, это была боязнь турецкого вмешательства, с другой — экономические причины. Из донесения консула Кабелла от 15 сентября 1474 г. мы узнаем, что вначале он старался примирить враждавших между собой правителей Кампаний — Эминеха с крымским ханом Менгли-Гиреем. Эминех отклонил все попытки и даже воспрепятствовал генуэзцам проезд через его территорию и вывоз хлеба и проса в Каффу. Поэтому пришлось посыпать за хлебом в другие местности (Монкастро).¹ Безусловно, этот момент, наряду с турецким вопросом, сыграл решающую роль в деле смещения Эминеха.

Большую заинтересованность проявили генуэзцы в возведении на престол крымского хана Менгли-Гирея. Протекторы писали консулу и массариям Каффи 7 ноября 1468 г.: «С великой радостью прочитали мы то, что вы пишете нам о славном государе Менгли-Гирее, сделавшемся новым ханом... и о дружеском его посещении Каффи вместе со всем двором, и о благосклонном его согласии на уменьшение дани... А также о мирном договоре с Кампанией и об общем соглашении, чтобы прежнего хана Нордолара (Наурдаулета, лишенного престола Менгли-Гиреем) вместе с его приверженцами отправить в Зихию».²

Итак, генуэзцы не стеснялись вмешиваться во внутренние дела причерноморских народов, действуя путем подкупов, интриг или просто свергая неугодных им лиц.

Из предыдущих глав мы знаем, что генуэзцы были очень заинтересованы в развитии торговых сношений с черкесами. Несмотря на ряд неудач, генуэзцы стремились завязать с ними прочные отношения — заключать договоры и т. д. Об этом имеется много документальных свидетельств, приведенных нами в предыдущих главах.³

Упомянутый выше Кавалино Кавалло заключил договор с черкесскими князьями: «Горожане наши этим весьма довольны, и уже много кораблей отправилось в Копарио».⁴ Генуэзские власти поощряли заключение договоров и соглашений с черкесами, но постоянно добивались максимально выгодных условий. «Насколько мы довольны соглашением, заключенным вами с Парабиоком и его супругой, — говорится в инструкции протекторов консулам Каффи, — настолько же не одобляем двух пунктов этого соглашения... Во-первых, надбавки им одного аспра на всякую рыбу и, во-вторых, мы недовольны тем, что в нашем договоре не упоминается ничего о прежних убытках, понесенных нами. Поэтому мы поручаем вам, чтобы вы постарались добиться изменения этих двух пунктов в нашу пользу, если только это будет возможно».⁵ Вопрос о причиненных генуэзским купцам убытках постоянно рассматривается в докумен-

¹ Atti, VII, f. 2, 121.

² Ibid., f. 1, 562.

³ Ibid., f. 2, 55 etc.

⁴ Ibid., f. 1, 784.

⁵ Ibid., f. 2, 55.

так той эпохи. В числе таких нарушителей прав частной собственности фигурируют и черкесские князья. Например: «Донесли нам о жалобах кредиторов на Парабиока, князя Копы, что вы (консул Каффы) ему постоянно пропуск даете под видом, будто это делается для общественной пользы. Тем не менее это скорее делается для удобства частных лиц. Вследствие чего предлагаем вам, чтобы никоим образом к невыгоде кредиторов такого рода пропусков вы не давали».¹ Постоянным должником Каффы был правитель Матреги — Заккария де Гизольфи. Протекторы и консулы постоянно предписывали взыскать с него долги: «Возьмите на себя заботу об этом Заккарии, который является нашим должником... Получите с него все, что возможно теми способами, какие найдете удобными».²

Миссионерская деятельность католиков являлась немаловажным орудием в руках итальянских колонизаторов в Причерноморье и на Западном Кавказе. Католические миссионеры устремились на Восток, прокладывая пути для торгового капитала. Для их деятельности открывалось широкое поле. Крым и Кавказ служили лишь переходной ступенью к более отдаленному Востоку.

Татары, выдвинувшиеся среди других народов как всемирные завоеватели, привлекли к себе внимание пап, занятых в то время «священной войной» с мухаммеданами. Папы рассчитывали на союз с татарами для войны с «неверными». По описанию Плано Карпини и других современников-очевидцев, татары в большинстве случаев были язычниками и их легче можно было обратить в христианство, чем мухаммедан. Большие надежды возлагали на терпимость монгольских правителей. В половине XIII в. в Монгольской империи боролись ламаизм, мухаммеданство и христианство наряду с шаманством. Со временем Хулагу и Хубилая, вследствие благоприятных политических обстоятельств, началась оживленная деятельность латинских пропагандистов среди монголов (60-е годы XIII в. до половины XIV в.).

Уже с VII—VIII вв. папство начало стремиться к мировому господству. В начале XIII в. были основаны ордены францисканцев и доминиканцев, главным образом для миссионерских целей. Эти ордены сделались главным рычагом деятельности римского миссионерства вплоть до XVI в., когда на смену им явились иезуиты. В 1252 г. папа Иннокентий IV организовал из монахов этих орденов «Общество братьев-путешественников ради Иисуса Христа» (*Congregazione di religiosi viaggiatori*) — первое миссионерское общество у латинян. Францисканские и доминиканские летописи изобилуют доказательствами неутомимого «усердия» представителей их орденов на конкистадорском поприще.

Однако на Кавказе им пришлось столкнуться с миссионерской деятельностью греков, которые задолго до первых католических миссий проникли к горским народам Северного Кавказа. Последние фигурируют в средневековых источниках под общим именем «алай»,

¹ Atti, VII, f. 1, 627.

² Ibid., 733

из которых дифференцировались лишь одни черкесы. Аланы, были христианским народом от начала X до второй половины XV в. Аланская епархия, сведения о которой крайне скучны, была создана трудами миссионеров Евфимия и Петра и уже в конце X в. она была превращена в митрополию. По свидетельствам XII в., аланы принадлежали к понтийскому диоцезу константинопольского патриархата. В конце XIII в. аланская митрополия соединяется с сотприупольской (авазгийской) и зихской. В 1317—1318 гг. уже фигурирует самостоятельный митрополит Зихии с титулом зихо-матрахского. По замечанию Кулаковского, собственно Алания имела небольшое значение в епархии этого имени. Реальные интересы лежали вне страны. На первом месте стоял Трапезунд.¹ Иловайский предполагает, что св. Кирилл ездил с проповедью к хазарам и черкесам.² Не останавливаясь специально на миссионерской деятельности Византии на Кавказе (см. указанные ниже сочинения), отметим, что уже в 536 г. зихи и абазы) исповедывали христианство греческого толка и первые из них имели епископа. В 840 г. епископия переименована в архиепископство и в конце XI в. перенесена в Матрегу (Тамань), а в XIV в. обращена в митрополию.³ В 1235 г. доминиканец Юлиан, проезжавший через Матрегу, застал там население, исповедывавшее христианство греческого толка; у них были священные книги и духовенство. Однако это не было «чистое» православие, а помесь языческих и греческих обрядов.⁴

В 1396 г. упоминается «преосвященный» Иосиф — митрополит в Матреге.⁵ Итак, к моменту появления католиков христианство греческого толка, распространяемое Византней, успело уже охватить многие народы Кавказа.

Миссионеры Запада, этот передовой отряд европейских колонистов, двинулся на Восток в XIII—XIV вв. Толпы францисканцев и доминиканцев вступили в борьбу с песторпанистом и мухаммеданством. Эти ловкие разведчики рьяно взялись за почтную обязанность «цивилизовать дикие народы». Вслед за ними по пятам шли сами конкистадоры, которые на деле показывали колониальным народам «плоды цивилизации». Папа Иоанн XXII, давший в 1325 г. разрешение всем желающим вступить в члены вышеупомянутой «Congregazione di religiosi viaggiatori», был крайне изумлен тем обстоятельством, что желающих оказалось огромное количество, и из боязни, как бы не опустели европейские монастыри, ограничил данное разрешение. Получилось то же, что и на соборе в Париже в 1222 г.,

¹ Кулаковский. Христианство у алан. «Византийский временник», V, вв. 1 и 2, сс. 10, 11, 15.

² Иловайский. Болгаре и Русь на Азовском приморье. Журнал министра народного просвещения, 1875, январь, СХХVII, 349.

³ Фабр. Древний быт Эйоны, нынешнего полуострова Тамани. Одесса, 1861, с. 93.

⁴ См. рассказ доминиканца Юлиана «Зап. Одесского о-ва истории и древностей», V, 999).

⁵ Устав для генуэзских колоний в Черном море. «Записки Одесского о-ва истории и древностей», V, 829.

когда в ответ на вопрос Джордано Саксонского, кто из братьев желал бы пойти в миссионеры, все, за исключением дряхлых старцев, шли на колени, воскликнув со слезами: «Padre, mandate me!» (Отче, пошли меня).¹

По весьма интересному и правильному замечанию магистра богословия Н. Красносельцева, «средневековая западная миссия как против язычников, так и против мухаммедан выразилась главным образом в форме военного насилия и совершенно почти утратила христианский характер. Латинские миссионеры отнюдь не гнушались насильственными мерами, и меч заменил у них любвеобильное евангельское слово, а проповедь евангельская уступала место проповеди о папе... «Язычник и еретик не имели права жить: они должны были или приять католичество со всеми его обрядами и подчиниться папе, или умереть»²... «Язычников сначала принуждали оружием согласиться принять христианство, а потом уже наставляли в истине веры».³ Не справившись с врагами в открытом бою, «папы часто совершенно отчаявались в успехах своего воинственного миссионерства. Поэтому они прибегали к другому методу: по форме он был увещевательный и состоял в том, что папы посылали с увещевательными письмами своих легатов к государям тех народов, которых хотели обратить в христианство, но в содержании этих посланий и в образе действий легатов проглядывали те же властолюбивые тенденции папского престола и те же старания насильственно вынудить принятие католицизма... По существу это был метод, так сказать, насильственно дипломатический».⁴ «Исполняя политические поручения своего государя, (миссионеры) большею частью ухаживали за владетельными особами, надеясь, обратив их в христианство, воспользоваться их despoticской властью и ввести насильственным образом христианство в их владениях, а на массы народа обращали мало внимания».⁵ Приведенные высказывания «православного» миссионера, словно обрушающегося на своих соперников по ремеслу, достаточно ярко характеризуют методы римского миссионерства и не требуют комментариев. Эти методы ничем, однако, не отличались от методов православного миссионерства, насаждавшего христианство среди так называемых «ипородцев» бывшей Российской империи. Интересующихся этим вопросом мы отсылаем к специальной литературе.⁶

¹ Atti, VII, 736, Vigna.

² Красносельцев. Западные миссии против татар-язычников и особенно против татар-мухаммедан. Казань, 1872, с. 10.

³ Там же, с. 11.

⁴ Там же, сс. 15—16.

⁵ Там же, с. 129.

⁶ Помимо цитированной работы Красносельцева, можно упомянуть следующие работы и источники: Неприон. *Histoire générale des missions catholiques*, I—II, 1848; Fleury. *Histoire ecclésiastique*; Mosheim. *Historia tartarorum ecclesiastica*; *Annales ecclesiastici*; Wadding. *Annales mongorum*; *Archivium Franciscanum* и многие другие.

Итальянские колонии сделались опорой римского миссионерства среди татар и других народов Причерноморья. «Около 1318 г. жители Кафы, видя процветание колонии, обратились к папе Иоанну XXII с просьбой даровать Каффе наименование города и присоединить к ее диоцезу области, входившие в ведение церквей Кипчакской империи и Болгарии, чтобы возможно теснее сблизиться с племенами, которые издавна вели с ними торговлю»¹.

В начале XIV в. доминиканские проповедники появляются в Крыму. В 1320 г. папа Иоанн XXII открыл в Каффе епископскую кафедру, назначив епископом францисканца Иеронима; его вскоре заменили доминиканцем Фаддеем (1323 г.). В 1322 г. папа определил границу диоцеза: Сарай — на востоке и Варна — на западе. В Сарае, столице Золотой Орды, учредили епископство уже в 1315 г. (первым епископом был францисканец Стефан). Затем учреждаются кафедра в Херсоне (Крымском) и митрополия в Босфоре Киммерийском.² По политическим обстоятельствам (вражда с ханами Ирана) золотоордынский хан Узбек был в хороших отношениях с папой, хотя и был ревностным мухаммеданином. Это способствовало частым спошениям католических миссионеров с Золотой Ордой. В начале XIV в. францисканский викариат «Восточной Татарии» насчитывал 12 монастырей.³ Во второй половине XIV в. при преемниках Узбек-хана дружественные отношения с Западом ухудшились. При Тимур-Ленге положение миссионеров еще более ухудшилось, так как он считал выгодным покровительствовать более многочисленным мухаммеданам. При нем были уничтожены почти все следы католической пропаганды среди татар. В XV в. к татарам хотя и посылались миссионеры, но их было очень мало и о деятельности их почти ничего не известно. Этому обстоятельству способствовали не только события на Востоке, но и политические бури на Западе — церковный раскол, реформаторские движения. С открытием Америки (конец XV в.) туда устремились толпы конкистадоров, в том числе и миссионеры. Миссионерство среди татар временно отошло на второй план и возродилось лишь в XVI—XVII вв., но уже при других обстоятельствах.⁴

К 1333 г. относится письмо папы Иоанна XXII, адресованное черкесскому (зихскому) князю Верзахту. Последний был обращен в католичество падре Франческо да Камерино, проповедывавшим в Воспоре перед местным князем Милленом и его вассалами. Папа благодариł Верзахта за «усердие» в пользу католицизма. Между прочим правитель Воспора (Керчи) князь Миллен, по происхождению черкес (зих),

¹ Canale. Nuova istoria... di Genova, III, 236.

² Mosheim. Historia tartarorum ecclesiastica, 107; Неприон. Histoire générale des missions catholiques, 112; Dictionnaire des missions, I, 469, 1173—1174; Heyd. Histoire du commerce du Levant, II, 172.

³ G. Bratianu. Recherches sur le commerce génois dans la mer Noire au XIII siècle. Paris, 1929, 187.

⁴ См. Красносельцев. Западные миссии против татар-язычников (с. 92—133), и другие отмеченные выше работы.

был приверженцем католицизма.¹ По словам Винья, Франческо еще много лет проповедывал с большим успехом в Черкесии и других соседних с Крымом странах². Верзахт «в своем усердии к вере распространял новую религию между соседними князьями, оставившими греческую схизматическую церковь ради католической. Франческо, не будучи в состоянии один выполнять столько месс, отправился в докладом в Рим, где, возведенный в сан архиепископа Воспоро, по своему возвращении привез с собою много миссионеров доминиканского ордена».³ К сожалению, Винья и Турун не указывают, по каким причинам Верзахт возымел такое «усердие» к католичеству и сколько льгот и преимуществ он получил за такую заслугу перед итальянскими колонизаторами; Франческо, как мы видели, получил за это выгодную должность архиепископа Воспоро. С 1439 г. черкесы имели уже одного католического архиепископа, пребывавшего в Матрего (Тамани), и двух епископов. Первый католический епископ в Матрего — францисканец Иоанн — был назначен туда папой Климентом VI уже в 1346 г.⁴; вскоре же после утверждения Генуи в Каффе.⁵ Следует отметить, что упомянутый Иоанн происходил «из туземцев».⁶

Среди проповедников доминиканского ордена можно отметить также Фр. Таддео (1323—1357 гг.), епископа Каффе, который ревностно распространял христианство в своем диоцезе, в том числе и на Западном Кавказе.⁷ Помимо отмеченных выше епископств в Каффе, Воспоро и Матрего существовали еще кафедры в Тане, Самастро и Сольхате⁸. Что касается деятельности ордена францисканцев, укажем, что в XV в. минориты имели в Каффе два монастыря и две церкви; третья их церковь находилась в Копе, куда, по словам Винья, «многие годы братья минориты из Каффе посылали из своей среды кого-либо для отправления богослужения».⁹ Церковь в Копе была построена генуэзцем Антонио Итальяно (Antonio Italiano) для нужд его соотечественников, проживавших в Черкесии, и для распространения католичества среди горцев. Ее передали в собственность монастырю Сан-Франческо в Каффе, с обязательством обслуживать ее клиром. Однако последний в течение некоторого времени, вероятно в связи с недостатком персонала, начал манкировать своими обязанностями. Тогда консул и массарии Каффе по приказу банка

¹ Брун. Черноморье, II («Записки Одесского о-ва истории и древностей», XXX, 323).

² Atti, VII, f. 2, 737; Брун. О поселениях итальянцев в Газарии. «Труды Археологического съезда», 1869, II, 380.

³ Atti, VII, f. 2, 737, Vigna; Tougon. Hommes illustres de l'ordre de Dominique, II, 147.

⁴ А. Фабр. Древний быт Эйоны, нынешнего полуострова Тамани. Одесса, 1861, с. 93; Устав генуэзских колоний в Черном море («Записки Одесского о-ва истории и древностей», V, 229, примеч. 102).

⁵ Он прибыл к месту назначения в 1349 г. (Canale, I, 311).

⁶ Брун. О поселениях итальянцев в Газарии, II, 380.

⁷ Atti, VII, f. 2, 630.

⁸ Ibid., 725.

⁹ Ibid., 739.

Сан-Джорджио передали эту церковь в ведение епископа Каффи (28 апреля 1467 г.). Против такого решения на защиту прав францисканцев выступил ряд лиц, которые при посредстве викария францисканских церквей в Крыму фра Джованни ди Монца, отправившегося тотчас же в Геную, добились отмены вышеуказанного распоряжения (29 января 1468 г.). Предусмотрительные протекторы поставили между прочим условие, чтобы консул Копы, отправляясь туда для выполнения своих служебных обязанностей, привозил с собой «одного из братьев-миноритов... монастыря святого Франциска в Каффе».¹ Этот монастырь являлся главным оплотом ордена в Крыму и оттуда отправлялись миссионеры на проповедь к соседним народам.²

Таким образом, за копскую (а возможно и за матрежскую) церковь и за право миссионерства в Черкесии боролись францисканцы и епископ Каффи. Это ясно видно из вышеуказанного документа о церкви в Копе. Из него между прочим видно, что жалобу возбуждает вновь назначенный «викарий ордена св. Франциска в Каффе и в местностях языческих». Следовательно, францисканцы вели пропаганду среди горских племен Кавказа. Из того же документа видно, что в Копе была не только церковь, но и «капелляния». Из факта приезда священника в церковь Копы вместе с консулом на сезон яспо, что эта церковь обслуживала в основном итальянцев, приезжавших с торговыми целями в Копу, а во вторую очередь — туземцев.

Как вели себя представители господствующей церкви в Причерноморье по отношению к представителям других религий? 6 июля 1473 г. протекторы банка Сан-Джорджио писали «преподобному во Христе отцу» епископу Каффи: «Увещеваем и просим вас заботиться не только «о спасении душ вашего народа», но также о «мире и безопасности» Каффи, воздерживаясь по мере возможности... от вмешательства вашего в дела, касающиеся еретиков и неверных, поскольку более всего от такого вмешательства возникают между ними волнения, которыми пренебрегать не следует».³ Но «достойнейший отец» не унимался. Повидимому такое отношение к иноверцам носило хронический характер. 2 августа 1468 г., т. е. еще за 5 лет до вышеуказанного случая, протекторы писали «преподобному» епископу Каффи. Из письма видно, между прочим, что епископу «весъма неприятно», когда генуэзские гражданские власти вмешиваются в дела «преподобного». Однако из неоднократных донесений чиновников из Каффи можно заключить, что сам он «повседневно вмешивался в дела, касающиеся греков, армян и прочих иноверцев» и этим, по выражению протекторов, «доводил народ до отчаяния». Протекторы поручили консулу Алаону д'Ория, чтобы он убедил епископа от их имени «в такого рода дела иноверцев никоим образом не вмешиваться».⁴ Таким образом, зарвавшиеся попы не стеснялись вмешиваться в чужие дела, вызывая сильное недовольство народа.

¹ Atti, VII, f. 1, 526—528; VII, f. 2, 740.

² Ibid., Vigna, 740.

³ Atti, VII, f. 2, 48.

⁴ Ibid., f. 1, 558—559.

Насколько гнусны были их поступки, видно из того, что даже генуэзское правительство, не любившее стеснять себя в чем-либо, и то, по условиям момента, не раз должно было осаживать «преподобных» интриганов.

Впрочем и консулы также не прочно были подражать духовенству. 25 февраля 1473 г. протекторы банка Сан-Джорджио писали консулу: «И не менее недостойный и тяжкий проступок (совершили вы), вмешавшись в расприю, возникшую среди армян, по поводу избрания их епископа».¹ Дело, разумеется, было не в том, что нехорошо было поддерживать одного более угодного кандидата в епископы армян против другого, — это было для генуэзцев обычным явлением. «Недостойным и тяжким проступком» в данном случае было то, что вмешательство совпало с критическим моментом жизни черноморских колоний, находившихся накануне падения. При таких условиях приходилось смягчать все противоречия, существовавшие в тогдашнем обществе, а не разжигать классовую ненависть.

Протекторы в Генуе оказались более дальновидными, чем духовенство и некоторые представители местных властей, которые даже в таких тяжелых условиях, как период после захвата Константиноя турками, не могли воздержаться от своих конквистадорских наклонностей. Какие же стеснения учиняло католическое духовенство по отношению к иноверцам? Греческому епископу, например, воспретили чинить правосудие в вопросах, касающихся браков, завещаний и прочих дел, вопреки старым обычаям. Затем латинский епископ воспретил грекам продавать и держать у себя рабов, перешедших в католическую веру, не останавливаясь даже перед провокационным крещением греческих рабов. При этом он, разумеется, не возражал против торговли иноверцами, производимой работоговцами католиками.² Итак, католики, как представители господствующей религии, всячески стесняли иноверцев в частях гражданских и духовных прав. Это напоминает политику царской России по отношению к Кабарде. Накануне падения Каффы, вероятно под влиянием сильных жалоб на зарвавшееся католическое духовенство, правительство Генуи пошло на явное ограничение его прав. 19 октября 1473 г. было воспрещено «всякому милянину подавать на кого-либо из милян в иной суд, кроме светской курии города Генуи и округа» (кроме пяти исключений). Это воспрещение распространялось и на другие «города и селения Черного моря».³

Результатом такой оголтелой политики «преподобных» отцов было то, что, вопреки стараниям, греческое влияние не было сломлено ни в Крыму ни на Западном Кавказе. По справедливому замечанию Фабра, подтверждаемому Интериано, д'Асколи и другими путешественниками, большая часть черкесов оставалась под влиянием греческой религии.⁴ Впрочем и греческая вера не глубоко проникла

¹ Atl., VII, f. 2, 31.

² Ibid., f. 1, 675 (28/IV 1470 г.).

³ Ibid., f. 2, 60.

⁴ Фабр. Древний быт Эйоны. Одесса, 1861, с. 93.

в массы населения Западного Кавказа. Это ясно видно из отчета доминиканца Юлиана, проехавшего по Северному Кавказу в 1235 г. (см. выше). Все путешественники тех веков по Западному Кавказу отмечают наряду с христианством сильное влияние язычества.

Католическая пропаганда распространялась не только на Западный, но и на Центральный Кавказ. «О христианстве алан на их прикавказской родине в 1329 и 1333 гг., — говорит Кулаковский, — дают свидетельство сношения папы с алансским князем Милленом, который повидимому был обращен в католичество благодаря стараниям римских миссионеров. Но дело их было непрочно, и в XV в. аланы оставались христианами греческого исповедания, как о том засвидетельствовали Иосафат Барбаро и Лаоник Халкондил.¹ Но аланы, как и черкесы, были «православными» только по имени, как об этом свидетельствует отчет того же доминиканца Юлиана (1235 г.).²

Захват черноморских колоний турками и татарами не прекратил католического миссионерства. Поездки миссионеров Ламберти, да-Лукка, Эмиддио д'Асколи и других и отчеты, составленные ими, показывают, что интерес к этим областям не снизился и в последующие века. Так называемая «реформация» в начале XVI в., разделившая западных христиан на два вероисповедания, даже усилила миссионерство. Первое место среди миссионерских учреждений нового времени занял иезуитский орден, основанный Игнатием Лойоло в 1540 г. Это было главным образом миссионерское учреждение. Еще большее значение для западного миссионерства имела «Sacra Congregazione de Propaganda Fide», основанная в 1622 г. с целью распространения католичества по всему земному шару. Уже на третьем заседании этой конгрегации, происходившем 8 марта 1622 г., весь мир был поделен на районы. Западный Кавказ и татары попали в 11-й округ, находившийся в подчинении у константинопольского патриарха.³

Материалы относительно католической пропаганды на Кавказе после захвата черноморских колоний турками, к сожалению, в большей своей части еще не опубликованы и хранятся в Ватиканском архиве.⁴

В заключение отметим, что наряду с католическим миссионерством среди народов Кавказа и других восточных народов были учреждены не только церкви, монастыри, епископские кафедры, о чем мы уже говорили выше, но также миссионерская школа. По словам Канале, в Каффе основана была также большая школа для детей названных племен (татар, черкесов и др.), где они получали воспитание в духе, удобном для генуэзского владычества (*istru-*

¹ Кулаковский. Христианство у алан. «Византийский временик», V, вып. 1—2, с. 11; см. Красносельцев. Западные миссии против татар-язычников..., 94.

² «Записки Одесского о-ва истории и древностей», V, 999.

³ См. «Россия и Италия», IV, 30 и др.

⁴ Там же, IV, 144—146, 161, 307 и др.

и оно e principii confacenti alla dominazione genovese).¹ Кроме того в 1333 г. папа Иоанн XXII учредил в Каффе миссионерский учебный монастырь, монахи которого должны были специально изучать восточные языки.²

К системе колониального режима относятся такие мероприятия, как воспрещение «сарацинам», т. е. татарам и туркам, перевозить оружие и рабов мужского и женского пола в различные области Турции,³ а также держать у себя в доме оружие. Это распространялось на Каффу и, вероятно, на другие черноморские колонии.⁴ К сожалению, отрывочные архивные документы, дошедшие до нас от той отдаленной эпохи, не позволяют нарисовать более детальную картину методов колониальной политики Генуи. Но уже из приведенных отрывков видно, что они ничем не отличались от колониальных методов любого государства эпохи феодализма.

Понятно, что вмешательство генуэзского торгового капитала во внутренние дела черкесов, сопровождаемое усиленной экономической эксплуатацией, вызывало недовольство местного населения. Население генуэзских колоний было крайне пестрым как по своему национальному, так и по социальному составу. Население Матреги состояло из черкесов, армян, греков и других национальностей.⁵ Таким же разноплеменным было население Копы и других колоний Черкесского побережья Черного моря. Более подробные сведения мы имеем о населении Каффи. В этом городе проживали следующие национальности: греки, армяне, грузины, черкесы, поляки, валахи, русские и другие иностранцы; они и составляли большинство населения. Меньшинство состояло из генуэзцев, которых насчитывалось всего несколько тысяч. Общая численность населения к моменту падения Каффи составляла 70 000 человек.⁶

По своему социальному положению это были представители крупного торгового капитала, составлявшие правящую верхушку в колониях, представители мелкого капитала, ремесленники, портовые рабочие, солдаты, матросы, слуги; были здесь и представители интеллектуального труда (врачи, юристы, инженеры, учителя и пр.). По своему юридическому (сословному) положению они делились на *cives* — граждан (из генуэзцев)⁷ и *burgenses* — горожан. Положение первых было de jure более привилегированным.⁸ Но фактически решающую роль играли представители капитала.

¹ Canale. Nuova istoria... di Genova, III, 236.

² Красносельцев. Западные миссии против татар-язычников..., 93.

³ n. 1. «Statuti di Gazzera» от 19 марта 1316 г.: Canale. Nuova istoria... di Genova, II, 449.

⁴ Atti, VII, f. 2. «Statuto di Caffa».

⁵ См. рассказ доминиканца Юлиана («Записки Одесского общества истории и древностей», V, 999, а также главу с описанием колоний Черкесского побережья).

⁶ Atti, VII, f. 2, 168, 177, 266.

⁷ Владевших недвижимым имуществом, плативших налоги и проживавших в городе.

⁸ Найд, II, 171.

Колонии по своему составу были многонациональны. Достаточно указать, что при завоевании Кафы турками в 1473 г. черкесы, грузины, русские и другие иностранцы, проживавшие в городе, были лишены имущества на сумму около 250 000 дукатов.¹ Среди них были и крупные торговцы. Между правящей верхушкой черноморских колоний и социальными низами шла классовая борьба как и во всяком классовом обществе. Разумеется, нам не приходится искать объяснений этой борьбы у буржуазных авторов. Для Хейда, Бруна, Канале и других ученых зачинщики борьбы — просто «бунтовщики», заслуживающие наказания, и на таких «мелочах» они не останавливаются.

К сожалению, до нас не дошли материалы, характеризующие классовую борьбу в генуэзских колониях Западного Кавказа. Главный материал касается Кафы. Нами подготавливается монография по истории средневековых городов южного берега Крыма в XIII—XV вв., где специальная глава будет посвящена классовой борьбе в городах. В городах неоднократно происходили волнения, особенно среди социальных низов (матросов, солдат, рабочих), нередко превращавшиеся в открытые восстания, которые жестоко подавлялись генуэзскими властями. Причиной борьбы были тяжелые экономические условия жизни в черноморских колониях. Огромные доходы, извлекаемые генуэзскими и другими купцами, попадали в карманы крупных хищников. К сожалению, документы не позволяют нам установить точных форм эксплуатации социальных низов кавказских колоний. Значительную роль сыграло ухудшение экономического положения колоний в XV в. под влиянием натиска феодальной Турции на Византию и Черноморье и сопровождавших это наступление голода, мора, повышения смертности и прочих народных бедствий.

Так, в одном документе 1458 г. мы читаем: «Огромное множество народа уничтожено чумой». 6 сентября 1455 г. боргези доносили в Геную, что Каффа «не только страдает от недостатка продовольствия, но терпит истинный и величайший голод, так что лишь с трудом удается достать нам немного хлеба».¹

Приведем только один пример восстания, связанного с Западным Кавказом. Речь идет о военном «бунте» на одном из кораблей, посланных каффским правительством, чтобы отобрать замок Батиар (у Ахтарского залива), захваченный комендантлом этого замка Джованни Бозио у его законного владельца, генуэзца Иларио Марини в 1455 г.² Следует отметить, что мятежные солдаты, захватившие в свои руки судно, предназначенное для целей усмирения, составляли отряд вольнонаемных дружинников. В документе, описывающем это событие, говорится о страхе, который испытали правители Кафы при мысли о том, что восставшая команда корабля «произведет соблазн в тех водах»... Но этот страх оказался напрасным: «бунтов-

¹ Atti, VII, f. 2, 168, 177.

² Ibid., VI, 356, 357.

ники» предпочли удалиться из пределов генуэзских владений. Они нашли приют у трапезундского императора, который пропустил их, к великому негодованию каффинцев.

Заслуживает быть отмеченным, что бежавшие из Кафы как вследствие тяжелых экономических условий жизни, так и по другим причинам (захват колоний турками, смещение князей и т. д.), часто скрывались в Черкесии, где условия жизни были, вероятно, легче. Упомянутый в предыдущей главе татарский правитель Эминх, смещенный как неугодное Генуе лицо, бежал в Зихию («и не знаем, куда бы он мог отправиться, если только не в Зихию»).¹ Сообщая о последних днях колонии Солдайя, Броневский пишет: «Лишь немногим удалось спастись: кто бежал в Манкуш, кто в Старый Крым, кто, пако пец, в Черкесию и в горы Кавказа»². Неоплатные должники и местные князья, свергнутые и лишенные прав, часто находили себе убежище в Матреге. Так, татарский хан Наурдаулет, свергнутый Менгли-Гиреем, отправился со своими приверженцами в Матрегу.³

Генуэзская колониальная политика вызывала сильное противодействие со стороны черкесов. О враждебном отношении черкесов к генуэзцам сохранились многочисленные свидетельства. Например, в письме четырех горожан (боргези) Кафы от 6 сентября 1455 г. протекторам балка Сан-Джорджио — о недостатке продовольствия в городе — говорится, что «на Зихию, так же как и на Турцию, нечего нам и надеяться» (так как эти государства нам враждебны).⁴ Договоры, заключенные с местными князьями, часто нарушались. Например, черкесский князь Копы Бельзебук: «постоянно дает ложные обещания и никогда их не соблюдает».⁵ Сюда же следует отнести и тот факт, что черкесы укрывали у себя должников, бежавших от своих кредиторов, низложенных правителей и других лиц, неугодных Генуе.

При таких взаимоотношениях положение генуэзских колоний в Черкесии было небезопасно. И когда князь Копы построил крепость, Геную, опасаясь его усиления, стала натравливать на него других черкесских князей. В 1457 г. черкесы захватили город Матрегу. Свидетельство об этом сохранилось в заявлении князя Матреги Заккария Гизольфи. Последний требует, чтобы его освободили от ответственности за оружие, пропавшее в замке, захваченном князем Кадибельди в 1457 г.: «Воспользовавшись этим, народ той местности восстал против Кафы и завладел означенным замком вместе с князьями Зихии, и тотчас же начали они причинять убытки и совершили пиратские набеги в том проливе, и известно, что в числе добычи, которую они захватили, была одна барка из Кафы, шедшая в Копарио и Батиарио, ценностью в 50 тысяч аспров».⁶

¹ Atti, VII, f. 2, 195; VII, f. 1, 562.

² Ibid., 178, Vigna.

³ Ibid., f. 1, 521.

⁴ Ibid., 368.

⁵ Ibid., 490, 653.

⁶ Ibid., doc. № 1015.

Заслуживает внимания, что колониальное восстание черкесских пародных масс против господства Генуи произошло под руководством князей Зихии. Из этого, разумеется, не следует заключать, что между трудящимися массами и правящей верхушкой Черкесии был социальный мир. Черкесское общество того периода предстает перед нами в великолепном описании очевидца итальянца Интериапо, как сложившееся феодальное общество на ранних ступенях своего развития. В этом обществе резко дифференцированы княжеская верхушка и народ, угнетаемый этой верхушкой. К сожалению, документов о классовой борьбе, безусловно имевшей место внутри черкесского общества в XV в., до нас не дошло. Конечно, уровень развития правящей верхушки черкесского общества и степень эксплоатации ею масс были значительно ниже, чем в итальянских средневековых городских республиках, прошедших к тому времени длительный путь феодального развития. Поэтому классовая борьба в Черкесии не могла носить такого ожесточенного характера, как в генуэзских колониях. Временами даже возможно было известное совпадение интересов, как, например, в приведенном выше факте восстания народа во главе с князем против колониального гнeta Генуи. Конечно, каждый участник восстания преследовал свои цели: князья стремились увеличить свои богатства за счет колоний, народ — положить предел эксплоатации со стороны генуэзских купцов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ .

Нельзя рассматривать генуэзскую колонизацию на Западном Кавказе изолированно от общего хода колонизации Причерноморья. Не имея возможности останавливаться сейчас на этом вопросе, отметим лишь, что, говоря о XIII—XV вв. как о периоде итальянского господства в Причерноморье, необходимо различать политическую и экономическую гегемонию. Первая, действительно, принадлежала Генуе и Венеции. Что же касается второй, то под флагом указанных республик орудовал далеко не один итальянский торговый капитал. Разработка нами на основании итальянских первоисточников темы о средневековых городах южного берега Крыма позволяет установить, что главную роль в Крыму, повидимому, играла армянская торговая буржуазия. По крайней мере, в генуэзском центре на Чёрном море — Каффе — армяне составляли 2/3 городского населения, и небольшая кучка армян-ростовщиков (в XV в.) держала в своих руках экономические пити города; это даже вызывало опасения генуэзской администрации за политическое господство в Каффе. В Солдайе на первом месте были греки. Без сомнения, армянский торговый капитал проник и на Западный Кавказ и, быть может, играл в тамошних колониях первенствующую роль. К сожалению, скучный материал, сохранившийся до нашего времени, не позволяет пока разрешить эту важную проблему. Наконец отметим, что уровень социально-экономического развития на Западном Кавказе в XIII—XV вв. был ниже, чем в Крыму. Это ясно видно из характера классовой борьбы.

В то время как в крымских городах-колониях налицо ярко выраженный отпечаток борьбы городских низов против эксплоататорской верхушки, на Западном Кавказе колониальные восстания проходят под руководством местных феодалов. Этим вероятно и объясняется различие характера колоний на Западном Кавказе и в Крыму. Истории классовой борьбы в генуэзских колониях Крыма в XIII—XV вв. проливает некоторый свет и на характер колониальной политики Генуи на Кавказе. Против небольшой правящей верхушки в городах-колониях неоднократно поднимаются народные волнения (*tumulti*). Восстают средние и низшие слои местного населения городов Крыма, к ним присоединяются генуэзские солдаты и матросы, объединяются все «маленькие люди без имени» (*populo minuto sine nomine*). О тех же привязах говорят нам многочисленные факты бегства низов городского населения к местным племенам, в том числе и к черкесам, в поисках лучшей доли.

Восстание в Каффе в 1454 г. дает нам яркий пример интернациональных связей трудящихся в борьбе с общим классовым врагом. Генуэзское правительство жестоко расправлялось с восставшими «на страх прочим» (*ad terrorem aliorum*).

Разумеется, эти меры не касались социальных верхов местного населения, которые, хотя и вели конкурентную борьбу со своимиоперниками-итальянцами, однако находились не в таких уже плохих отношениях с верхами господствующей генуэзской народности. Даже черкесские феодалы, которые выступали против господства Генуи на Западном Кавказе, и те неоднократно принимались в Каффе в палацо консула и щедро одаривались.¹

После захвата Константинополя турками в 1453 г. положение генуэзских колоний на Черном море значительно ухудшилось. В 1473 г. пала Каффа — центр Генуи в Причерноморье, а затем одна за другой пали и все остальные колонии. Воспоро и Матрега были разграблены и сравнены с землей. Копа погибла в 1475 г. вместе с местными князьями.² Но и после завоевания турками итальянских колоний на Западном Кавказе часть колонистов, счастливо избежавшая турецкого плена, оставалась на своих местах. Единственным документом, дошедшшим до нас от этой эпохи, является письмо Заккария Гизольфи, бывшего князя Матреги. В этом письме (1482 г.) он рассказывает протекторам, что живет «вот уже несколько лет» со своим народом, изгнанным из Матреги, в деревне «на острове нашем Матрике», т. е. на Таманском полуострове, и что им удалось прогнать отсюда часть турок, благодаря чему они неплохо устроились, и, «видя это, сюда к нему перебрались жители из других местностей, как-то из Копы...».³ Мы узнаем дальше из его письма, что этот «*colim dominus Matrege*» имеет уже опять около 180 дворов поселенцев и, судя по некоторым намекам, мечтает восстановить свои права при помощи

¹ Comptes de la colonie de Caffa в «Revue de l'Orient latin», 1896, v. IV.

² Atti, VII, f. 2, 177, 411 etc.

³ Ibid., IV, 257.

хана Менгли-Гирея, с которым все время поддерживает хорошие отношения. На этом основании он просит протекторов прислать ему денежную субсидию в 1000 дукатов, ссылаясь на то, что его разоряют зихские князья, которым он не может отказать, так как «если им не давать, то станут врагами, а мне нужно во всяком случае их иметь на своей стороне». О дальнейшей судьбе Заккария документы хранят молчание.

Генуя сдалась не сразу. После захвата Константинополя Мухаммедом II республика, раздираемая классовой борьбой и истощившая свои ресурсы, уступила черноморские колонии банку Сан-Джорджио (14 ноября 1453 г.). Колонии находились все время под угрозой завоевания. «Даже нам самим неведомо, — писал дож Генуи, — каким образом, не имея достаточно войска и денег, защитить от турецких полчищ города Каффу, Солдайю, Самастро, Чембало и прочие владения, принадлежащие нашему славному государству в различных областях Черноморья».¹ Для трудящихся масс народов Западного Кавказа и колоний уничтожение генуэзских эксплоататоров не означало освобождения от ига.² На их место явились турецко-татарские феодалы, надолго обратившие Черное море в «mare clausum» (закрытое море).

¹ Atti, VI, 32.

² В этой работе одним из центральных моментов должен был бы явиться вопрос об эксплуатации населения. К сожалению, разработка этой темы на одних кавказских материалах невозможна. В вышеупомянутой монографии по Крыму ей посвящена специальная глава.